WARHAMMER 40,000

АЛЕКСАНДР А.



КАРАУЛ СМЕРТИ

БЛЕДНОЕ ВОЗНЕСЕНИЕ

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ РОМАН

18+

Александр А.

Караул смерти. Бледное вознесение

«Автор»
2026

А. А.

Караул смерти. Бледное вознесение / А. А. — «Автор», 2026

На Веспер Тарне людей считают дважды: сначала в переписи, потом в похоронных списках. Когда в океаническом городе-улье начинают рождаться дети, которых нет ни в одной книге, агент под прикрытием Сара Квейл находит след культа, восемьдесят семь лет прятавшегося под водой и в бумагах. Вместе с охотниками на ксеносов, наследницей губернатора и писцами переписи ей предстоит решить страшный вопрос: кого Империум запишет людьми, а кого сотрёт ради спасения мира. Неофициальный фанатский роман: осада, тёмная космическая фантастика и цена каждого имени.

© А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

СХЕМА ВЕСПЕРА И СПРАВОЧНИК ЧИТАТЕЛЯ 6
ПРОЛОГ. Поцелуй в глубине 7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТЕНЬ НА ВОДЕ 12
Глава первая. Приговор в молчании 13
Интерлюдия I. Пепел на мостике 18
Глава вторая. Город ниже уровня моря 21
Глава третья. Перепись мёртвых 25
Интерлюдия II. Канцелярия наследницы 29
Глава четвёртая. Запах чужой крови 33
Интерлюдия III. Штаб генерала Рука 37
Глава пятая. Мать Прилива 40
Глава шестая. Реликвия 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Александр А.
Караул смерти. Бледное вознесение

КАРАУЛ СМЕРТИ
БЛЕДНОЕ ВОЗНЕСЕНИЕ

роман

2026 · Возрастное ограничение: 18+
ВЫХОДНЫЕ СВЕДЕНИЯ И АННОТАЦИЯ
Классификация: УДК 821.161.1-312.9 · ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Возрастная маркировка: 18+ (содержит сцены боевых действий, телесного хоррора и гибели людей)

Аннотация: На шахтёрском мире Веспер Тарн не говорят «спуститься в шахту» — здесь говорят «уйти под море». Восемьдесят семь лет назад из затопленной девятой штольни вернулся живым только один бурильщик. С тех пор в нижних ярусах города-шпиля выросли целые кварталы людей, которых не существует в официальной переписи Администратума, а в доковых часовнях молятся Четырёхрукому Святому, обещающему, что в день Прилива никто не утонет. Когда астропатический хор планеты гибнет, успев прокричать в пустоту последнее предупреждение, на поверхность в шторм высаживается истребительная команда Караула Смерти «Оссуарий». Восьмерым ветеранам из разных орденов Адептус Астартес, младшему аудитору переписи Саре Квейл и наследнице умирающего губернатора Селестине Кемп предстоит за девятнадцать суток распутать заговор поколений — прежде чем песня из глубины и пробудившийся во льдах корабль-улей тиранидов сомкнутся в одну ноту, а Инквизиция поставит дату в приказе на Экстерминатус.

Правовое уведомление: Неофициальное некоммерческое фанатское произведение по мотивам вселенной Warhammer 40,000. Обозначения Warhammer 40,000, Adeptus Astartes, Deathwatch (Караул Смерти), Ordo Xenos, Genestealers (генокрады), Tyranids (тираниды) и связанные с ними наименования являются зарегистрированными товарными знаками и интеллектуальной собственностью Games Workshop Ltd. Текст романа, сюжет и оригинальные персонажи Веспер Тарна созданы автором как свободная художественная интерпретация из уважения к жанру тёмной космической фантастики.

«Чужак не всегда приходит с неба. Иногда он рождается в соседней комнате — и называет тебя отцом».

— из запрещённого трактата «О заразе в крови»,

приписывается инквизитору Фидусу Криптману

СХЕМА ВЕСПЕРА И СПРАВОЧНИК ЧИТАТЕЛЯ

Веспер — город-шпиль на базальтовом острове посреди штормового океана Веспер Тарна. Его география — это вертикальный разрез: почти любое перемещение героев означает подъём к губернаторскому дворцу и орбите либо спуск к каналам, затопленным штольням и подводному собору.

• **ВЫСОКАЯ И НИЗКАЯ ОРБИТА:** Фрегат Караула Смерти «Приговор в молчании» (в тени старшей луны), пояс комет Холодных Сестёр, пробуждающийся корабль-улей отростка «Кракен» и подходящий десятинный конвой коммодора Агнес Валь.

• **ВЕРХНИЙ ШПИЛЬ (от +400 до +1140 м):** Антенное поле главного шпиля, астропатическая башня хора Иоланты, губернаторский дворец, оранжерея Селестины Кемп и верхняя насосная станция.

• **ПОЯС ВРАТ И КОСМОПОРТА:** Стартовые столы космопорта, командный бункер СПО генерала Рука, Врата Прилива (главный пропускной пункт между нижним и верхним городом) и Улица Утонувших Святых.

• **НИЖНИЙ ГОРОД И КАНАЛЫ (уровень моря):** Контора и затопленный архив переписи Администратума, доковая часовня и приют Братства Утреннего Прилива, прометиевый цех № 3, солевые бассейны квартала Нижняя Соль.

• **МОРЕ И ПЛАТФОРМЫ (40–60 км от шпиля):** Заброшенная буровая платформа «Ржавый собор» и исследовательская станция Адептус Механикус «Колыбель-9» магоса Восс.

• **ГЛУБИНА СВЯТОЙ АГНЕССЫ (−200 м ниже дна):** Шлюз номер семь, девятая штольня и подводный собор, выстроенный внутри вросшего в базальт древнего разведывательного биокорабля тиранидов.

ПАМЯТКА ПО ПЕРСОНАЖАМ И ТЕРМИНАМ («НЕ ПУТАТЬ»)

• **Истребительная команда «Оссуарий» (8 космодесантников Караула Смерти):** сержант Каэлан Вейл (Гвардия Ворона), кодиций Севериан (библиарий, Кровавые Ангелы), Октавиан Праксис (Ультрадесант), Дургрим Хель (Космические Волки), Ашан Кел (Саламандры), Ферро Гальван (технодесантник, Железные Руки), Меридиан Век (Тёмные Ангелы), Ренн (Чёрный щит без герба ордена).

• **Магус и Магос:** Мать Северина — магус (духовный лидер и псайкер культа генокрадов Братства Утреннего Прилива); Кси-Лямбда-9 Восс — магос-биологис Адептус Механикус на платформе «Колыбель-9».

• **Ливия Тау и Сара Квейл:** одно лицо — агент Ордо Ксенос под позывным «Псаломщица», работающая под прикрытием младшего аудитора переписи Ливии Тау; её муж — бурильщик Йорунн Квейл.

• **Оборона и перепись города:** Селестина Кемп — племянница и наследница лорда-губернатора Аврелия Кемпа; Марка Весс — командир городских силовиков; капитан Ларс Дрей — командир стрелковой роты СПО; Одо Брант и Нина Пелл — писцы переписи; Велла, Юлия и Дина — медики гражданских станций (Юлия дежурит у платформы Сары, Дина сопровождает транспорты с детьми).

ПРОЛОГ. Поцелуй в глубине

За восемьдесят семь лет до прибытия истребительной команды «Оссуарий»

На Веспер Тарне не говорят «спуститься в шахту». На Веспер Тарне говорят «уйти под море», и говорят это тем же тоном, каким в других мирах говорят «уйти на войну»: буднично, с уважением и с полным пониманием, что вернуться можно не всем составом.

Йонас Крей уходил под море с четырнадцати лет. Сначала — подручным при отце, носильщиком кабелей, потом — бурильщиком второй руки, потом — первой. К сорока одному году у него были руки человека, который всю жизнь держал вибрирующий бур: пальцы не разгибались до конца даже во сне. Была жена Мира, диспетчер пайковой конторы, женщина с характером корабельного комиссара и смехом, который Йонас слышал через две переборки. Была комната в квартале глубинных бригад — одна комната, зато с настоящим окном, выходящим не в шахту вентиляции, а на канал. И была главная роскошь шахтёра Тарна: *поверхностная* пенсия в перспективе. Ещё девять лет смен — и можно было проситься в наземные мастерские. Девять лет. Йонас считал их, как считают ступени в темноте: не торопясь и не вслух.

В то утро, которое на Тарне неотличимо от вечера, бригада собиралась у клети девятой штольни в обычном составе: сорок три человека, три бура, два сервитора-грузчика и один бригадир.

Бригадира Матео в бригаде звали Дедом, хотя ему было пятьдесят восемь — возраст для глубинного почти библейский. Дед учил Йонаса держать бур, Дед выбил ему два зуба в драке за пайки в голодный год и Дед же потом ставил их на место у знакомого медика за свой счёт. Перед спуском Дед по обыкновению обошёл бригаду, трогая каждого за плечо и считая вслух. Ритуал был старый и нигде не записанный: *сосчитать вниз — сосчитать вверх*. Сколько ушло, столько должно подняться. Если цифры не сойдутся, клеть не закрывают, хоть сам губернатор стой рядом.

— Сорок два, — сказал Дед, дойдя до конца строя. — И один впридачу.

«Впридачу» был Пирс, племянник Йонаса, девятнадцать лет, первый спуск. Мальчишка стоял в новеньком, ещё не обмятом скафандре шахтёра и пытался выглядеть так, как выглядят на плакатах рекрутёров глубинных бригад: челюсть вперёд, взгляд вдаль. Получалось плохо. Вдаль на Тарне смотреть некуда — везде вода, туман и ржавчина.

— Дядя Йонас. — Пирс догнал его у самой клети. — А правда, что ниже девятой бурить нельзя? Ребята в бараке говорят, там красные метки ещё с основания. Что там что-то… ну. Лежит.

— Лежит, — сказал Йонас. — Порода там лежит. И вода под давлением, как в котле. Бур вскроет — и привет. Потому и метки.

— А про глубинных святых правда?

Йонас посмотрел на племянника. Про «глубинных святых» в бараках рассказывали испокон веков: будто в запретных выработках ниже дна живут те, кто не дал утонуть основателям первой шахты, когда море взяло главный ствол в год основания города. Святые, дескать, поднимают тонущих шахтёров и выносят к воздушным карманам. У святых, по барачной версии, было много рук — «чтобы всех держать». Церкви наверху эту ересь не любили, но и искоренить не могли: у шахтёров собственная теология, и главный её догмат — не будить то, что спит под тобой.

— Правда то, что я тебе сейчас скажу, — ответил Йонас. — Держись Деда, слушай породу и, если запахнет сладким, беги к клети, не спрашивая старших. Сладкий запах — это глубокая вода нашла трещину. Понял?

— Понял, дядя.

— Тогда пошёл. И шлем застегни, святой ты наш.

Клеть пошла вниз.

Спуск на девятую занимает двенадцать минут, и за эти двенадцать минут мир сжимается до размеров грохочущего железного ящика и запаха сорока трёх немытых тел. Мимо проплывают уровни: грузовой, ремонтный, мёртвый третий, где после давнего прорыва так и не подняли тела и просто заварили ворота, поставив у них икону и вечный фонарь. Вся бригада, проезжая третий, по обычаю замолчала. Даже сервиторы, казалось, гудят тише.

На девятой было жарко, как всегда: геотермальное тепло породы, пар, гул насосов, которые круглосуточно откачивали море обратно в море. Смена началась обычно и шла обычно первые шесть часов: бур Йонаса шёл по жиле адамантиевой руды, Пирс таскал кабели и учился не путаться в них ногами, Дед ругался с диспетчером по проводной связи из-за нормы.

Норма. В тот год Администратум поднял Тарну десятину по прометию и руде на двенадцать процентов — где-то наверху, в тёплых кабинетах сектора, какой-то крестовый поход требовал горючего. Двенадцать процентов на бумаге в шахте означают простую вещь: бурить там, где раньше не бурили. Ближе к красным меткам. На самой грани запретных выработок.

— Ещё тридцать метров по жиле, Дед, — говорил диспетчер из динамика голосом человека, который видит шахту только на схеме. — Жила уходит вниз, в сектор девять-семь. Там по плану пустая порода.

— По плану там красные метки, — сказал Дед.

— Метки пересмотрены. Приказ подписан в конторе губернатора. Выполняйте.

Дед посмотрел на Йонаса. Йонас посмотрел на Деда. Оба знали цену губернаторским подписям в вопросах, где отвечает порода.

— Выполняем, — сказал Дед в микрофон. — Но под протокол: бригада возражает. — И уже своим, не в микрофон: — Йонас, веди бур сам. Медленно. Если порода запоёт — стоп машина, и плевать на норму.

Порода запела через два часа.

Сначала изменился звук: бур, до того грызший базальт с ровным скрежетом, вдруг зазвучал глуше и мягче, как будто вошёл не в камень, а в плотную глину. Потом ауспекс на раме бура показал то, чего не должно быть в базальте: *тепло*. Ровное, распределённое, почти телесное тепло большой полости за стенкой забоя — и в этой полости, по краям, что-то вроде рёбер. Огромных, изогнутых, как шпангоуты корабля.

— Стоп машина! — крикнул Йонас.

Бур остановили. В наступившей тишине, нарушаемой только насосами, вся бригада слушала, как за стенкой забоя что-то капает. Кап. Кап. Кап. Ровно, как метроном. Как сердце.

— Это не полость с водой, — сказал Пирс шёпотом. — Дядя, это…

— Заткнись, — сказал Дед не зло, а быстро. — Заткнись и отойди от забоя. Йонас, доклад наверх. Пусть присылают геологов, жрецов, кого угодно. Мы эту стенку не трогаем.

Но стенку уже тронули. Бур за шесть часов сделал то, что не делала природа за тысячелетия: он прошёл базальт почти насквозь и уперся в материал, который не был камнем. В хитин. В оболочку существа — или корабля, — которое упало в море Тарна задолго до того, как первый человек увидел эту планету, и утонуло, и вросло в дно, и спало, пока над ним не построили город и не начали бурить ему в бок.

Вода пришла в девятую штольню без предупреждения, как всегда приходила смерть на Тарне, — сначала запахом, потом звуком, потом всем остальным.

Йонас Крей учуял её раньше, чем услышал: к привычной вони прометия, горячего металла и собственной нестираной смены примешалось что-то сладкое и холодное, пахнущее глубокой водой и старым камнем, которого никогда не касался свет. Сладкий запах. Тот самый, про который он утром говорил племяннику.

— Прорыв! — Он не помнил, как успел крикнуть. — Все к клети! Пирс! Пирс, ко мне!

Под ногами дрогнула порода. Где-то за переборкой, в трёхстах метрах ближе к морю, лопнул шов обшивки, и шахта вздохнула. Потом стенка забоя, та самая, с «рёбрами» на ауспексе, не выдержала давления по обе стороны своей древней раны — и море вошло в девятую штольню сразу из двух мест.

Вода в штольне не течёт и не хлещет — она *наступает*, как армия. Йонас видел, как гаснут лампы по дуге туннеля, одна за другой, будто кто-то огромный щёлкал пальцами в темноте. Видел, как Дед — бригадир Матео, человек, учивший его держать бур ещё мальчишкой, — обернулся к потоку с выражением почти оскорблённым, успел толкнуть к клети двух молодых и поднять руку, считая: *сосчитать вниз — сосчитать вверх*. Видел Пирса: мальчишка бежал к нему по колено в воде, шлем наконец застёгнут, глаза круглые. Йонас схватил его за раму скафандра и потащил.

Они не добежали тридцать метров.

Волна подняла вагонетку с рудой, все тридцать тонн, легко, как щепку, и швырнула поперёк туннеля. Йонас успел толкнуть Пирса в боковой ремонтный карман — нишу в стене, где хранили инструмент, — и это последнее, что он успел сделать как человек, отвечающий за других. Потом вода забрала его самого.

Он не умел плавать. На Тарне плавать не умел никто: море здесь было не для людей, море было для кораблей, буровых платформ и мертвецов. Йонас бил руками в чёрной, пахнущей серой каше, захлёбывался, уходил вниз, цеплялся за тросы и трубы, которых не видел. Где-то рядом в темноте кричал Пирс — крик оборвался резко, как обрывается провод. Йонас думал не о жене, не о том, что не успел, а — стыдно — о том, что смена почти закончилась и до подъёмника оставалось двести шагов. Двести шагов. Он считал их когда-то шутя.

Лёгкие сдались раньше рук. Йонас открыл рот, чтобы закричать в воду что-нибудь последнее и бессмысленное, и вода вошла в него, как хозяин входит в дом.

И тогда его подняли.

Не вытянули — *подняли*, бережно и неотвратимо, как отец поднимает ребёнка из кроватки. Четыре руки. Он запомнил это потом, в те редкие минуты, когда позволял себе запоминать: рук было четыре, и все четыре держали его так, словно он ничего не весил, и неслышно несли сквозь затопленную тьму к воздушному карману у самого свода, туда, где между водой и камнем оставалась щель в ладонь шириной — ровно вдохнуть.

Йонас вдохнул. Выкашлял море. Вдохнул снова. Открыл глаза.

Лицо, склонённое над ним, не было человеческим.

Длинный голый череп, лишённый глаз в человеческом смысле — вместо них из-под костяных надбровий светились бледные, почти ласковые огни. Кожа цвета утопленника. Рот, полный игольчатых зубов, приоткрылся, и существо наклонилось к нему медленно, почти нежно, как наклоняются к спящему, боясь разбудить.

Йонас знал, что должен закричать. Глубинные святые из барачных сказок смотрели на него в упор, и сказка оказалась правдой ровно наполовину — как всё на Тарне. Существо поцеловало его.

Боль была короткой и странной — не укус, а укол, горячий прокол где-то под челюстью, и следом — наводнение тепла, покой такой глубины, какой Йонас не знал за сорок один год жизни. Страх вышел из него, как выходит вода из пробитого бака. В голове, где только что билась паника, стало тихо и просторно, и в этой тишине что-то огромное и терпеливое повернулось к нему — не со злобой. С *признанием*. Как поворачивается к долгожданному гостю хозяин дома.

Ты не утонешь, — сказала тишина без слов. — *Твои дети не утонут. Дети твоих детей не утонут. Мы поднимем вас всех.*

Спасательная партия нашла Йонаса Крея через девять часов — единственного живого из смены в сорок три человека. Он сидел в воздушном кармане на корточках, обхватив колени, и

напевал что-то без слов, ровно и умиротворённо, как напевают над колыбелью. Пирса нашли в ремонтном кармане двумя часами позже. Карман оказался выше, чем думали, и мальчишка дышал, пока не кончился воздух, а потом просто уснул. Так сказали Мире. Мира кивнула и никогда больше не спрашивала.

Йонаса допрашивали трое суток: сначала медики, потом контора безопасности шахты, потом присланный из верхнего города аудитор Администратума — молодой, чистенький, с испуганными глазами человека, которому поручили закрыть дело о сорока двух погибших так, чтобы никто наверху не понёс ответственности. Йонас говорил правду в той её части, которая помещалась в протокол: прорыв, вода, воздушный карман, повезло. Про четыре руки он не сказал. Сам не знал почему. Слова просто не складывались у него в горле, как не складывается молитва у человека, который разучился верить. Аудитор вздохнул с облегчением и записал: «чудесное спасение, стечение обстоятельств». Приходской священник квартала глубинных бригад, отец Лемм, пришёл к Йонасу в лазарет, послушал ту же протокольную правду, долго молчал и сказал:

— Сынок. Что бы там ни было внизу… ты не обязан мне рассказывать. Но если оно придёт за тобой во снах — приходи. Двери часовни открыты.

Оно пришло во снах в первую же ночь дома. Не чудовищем. *Присутствием*. Йонас просыпался в темноте комнаты с окном на канал и чувствовал, что в голове у него просторно и не одиноко, как не бывает одиноко в толпе родных. Мира спала рядом и ничего не замечала, кроме того, что муж стал спокойнее, перестал кричать во сне, как кричат все глубинные, и начал напевать за работой — без слов, ровно, как напевают над колыбелью. Мира решила, что это от пережитого. Половина квартала после девятой штольни жила с чем-нибудь таким.

А через восемь месяцев она родила дочь.

Девочка родилась тихой и смотрела на мир слишком взрослыми фиолетовыми глазами, а суставов на её маленьких руках было больше, чем полагается. Повитуха Агнесса, принимавшая роды, только улыбнулась, поцеловала младенца в лоб и записала в приходской книге: *здорова*. Агнесса служила в квартале глубинных бригад тридцать лет и приняла половину его детей. То, что у самой повитухи под широкими рукавами рясы суставы гнулись не туда, куда у людей, в квартале знали двое: сама Агнесса и тот, кто поцеловал её в затопленной штольне за девять лет до Йонаса, когда она, молодая санитарка спасательной партии, одна добралась до воздушного кармана, в котором никого не было живым, кроме неё и *него*. Глубинные святые не спешили. У глубинных святых было время. Им нужны были не мученики — им нужны были *семьи*.

Йонас Крей прожил ещё пятьдесят лет — срок неприлично долгий для шахтёра Тарна. Он вышел на поверхностную пенсию, как мечтал, и работал в наземных мастерских, и руки его так и не разогнулись до конца. Он видел, как его дочь — тихая девочка с фиолетовыми глазами — выросла и вышла замуж за учётчика из Администратума, хорошего парня, который очень быстро научился не замечать в приходских книгах то, что замечать не следовало. Видел внуков, чьё сходство между собой замечали все соседи и не замечал никто из начальства. Видел, как маленькая часовня у доков, куда его семья ходила благодарить за спасение, обзавелась новой иконой: святым, поднимающим утопающих из воды. Иконописец был из своих, из квартальных. У святого на иконе рук было четыре. Двумя он держал ребёнка. Двумя — благословлял.

Отец Лемм, к тому времени глубокий старик, однажды остановил Йонаса у этой иконы, посмотрел на неё, потом на него и сказал то, что говорят умирающие священники, когда им уже нечего терять:

— Я знаю, что вы там внизу нашли, Йонас. Не знаю *что*, но знаю — *кого*. Берегись. Если оно тебя заметило, само уже не отпустит.

— Поздно беречься, отец, — сказал Йонас Крей. — Оно уже семья.

А в последние свои годы, глухой и почти слепой, старый Йонас спускался ночами в запретные выработки ниже дна — туда, где за восемь десятилетий из усыпальницы древнего

корабля и шахтёрской часовни вырос затопленный собор, — становился на колени в ледяную воду среди сотен своих потомков и смотрел, как из тьмы поднимается тот, кто однажды не дал ему утонуть. Теперь он был огромен — *Отец* был огромен, — и бледные огни его глаз отражались в чёрной воде сотнями огоньков в глазах коленопреклонённых.

И хор пел. Без слов. Как пел когда-то один человек в воздушном кармане утонувшей штольни.

Хор пел всё громче с каждым годом.

А далеко-далеко над миром, во льду кометного пояса, в чреве корабля, который спал дольше, чем существует шахтёрский род Креев, что-то древнее и голодное впервые за столетия шевельнулось во сне — и повернуло слепую голову туда, откуда сквозь холод и пустоту пробивалась тонкая, сладкая, зовущая нота.

Песня нашла слушателя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТЕНЬ НА ВОДЕ

+++АСТРОПАТИЧЕСКОЕ СООБЩЕНИЕ: ВЕСПЕР ТАРН — ТАЛАСА ПРАЙМ+++

+++ХОР-МАСТЕР ИОЛАНТА, ПРИОРИТЕТ: КСЕНО-АЛЬФА+++

+++ПЕРЕПИСЬ ВРЁТ. ДЕТИ РОЖДАЮТСЯ БЕЗ ЗАПИСЕЙ. ОТЕЦ ИДЁТ СНИЗУ. ОНИ ПОЮТ ЕМУ НАВСТРЕЧУ+++

+++СВЯЗЬ ПРЕРВАНА. ХОР НЕ ОТВЕЧАЕТ+++

Глава первая. Приговор в молчании

Фрегат Караула Смерти «Приговор в молчании» висел в тени старшей луны Тарна третьи сутки, выключив всё, что можно выключить, и не отвечая ни на один запрос. Снизу, с планеты, его не было. Сверху, из пустоты, его не было тоже. Корабли Караула умеют отсутствовать — это первое их оружие, старше любого болтера.

Капитан Таддеус Рорк стоял на мостике в темноте, которую сам же и приказал, и слушал корабль. «Приговор» в режиме молчания звучал особым образом: переборки потрескивали от холода, машинное отделение дышало через раз, а сервиторы-навигаторы в своих нишах шептали координаты сами себе, как шепчут молитвы люди, боящиеся забыть слова. Рорк командовал этим кораблём двадцать два года и различал его настроения по звуку, как различают настроение жены по тому, как она ставит чашку.

— Ещё сутки так повисим — и сами забудем, что мы есть, — сказал старший помощник, женщина с аугметическим глазом и терпением святого.

— Это и есть задача, госпожа Винн. — Рорк смотрел на главный экран, где Веспер Тарн висел тусклой жемчужиной в собственном шторме. — Внизу кто-то очень старательно не замечает, что у него умер астропатический хор. Мы в ответ очень старательно не существуем. Вежливость за вежливость.

— Инквизитор требует готовность к инструктажу через час.

— Инквизитор Холлоуэй требует много чего. Передайте ей: корабль готов. И передайте на оружейную палубу — пусть будят наших чёрных господ. Пора им узнать, ради чего мы трое суток играем в привидение.

«Чёрные господа» не спали. Космодесантники вообще спят мало, а восьмеро ветеранов Караула, запертые в фрегате на трое суток бездействия, не спали почти совсем — и потому в тренировочной клетке оружейной палубы шёл бой.

Дургрим Хель и Ашан Кел дрались на учебных клинках без брони, и зрелище это собирало зрителей даже среди сервиторов, у которых зрителей быть не должно. Волк был быстрее и злее: он кружил, рычал, финтил, бил из положений, которых нет ни в одном фехтовальном уставе Империума. Саламандра почти не двигался с места. Он стоял, как стоит гора, и встречал каждый удар предплечьем, клинком или плечом с той экономией, с какой кузнец встречает молот заготовку: без лишнего, точно в срок.

— Ты дерёшься как стена, огненный, — выдохнул Хель после очередной серии, от которой у любого человека отнялись бы руки. — Стену нельзя победить. Её можно только обойти.

— Обходи, — предложил Ашан.

Хель обошёл — и напоролся на встречный удар такой ленивой точности, что учебный клинок вылетел у него из руки и запрыгал по палубе. Волк посмотрел на пустую ладонь, потом на Саламандру и расхохотался так, что эхо пошло гулять по оружейной палубе.

— Вот за это я тебя и терпеть не могу. Ты даже побеждаешь вежливо.

— Прости, брат. В следующий раз постараюсь оскорбительнее.

— Три минуты сорок секунд, — сказал Октавиан Праксис от барьера клетки. Он стоял с инфопланшетом, и даже отдых у ультрадесантника выглядел как служебная обязанность. — Брат Хель, ты семнадцать раз открывал левый бок под контрудар. По Кодексу…

— По Кодексу я уже семнадцать раз мёртв, римлянин. А по Фенрису — семнадцать раз уклонялся достаточно быстро. Разница школ.

— Разница исходов тебя не смущает?

— Смущает. Поэтому в настоящем бою я буду стоять рядом с ним, — Хель кивнул на Ашана. — Стена слева — это почти как не открывать бок.

У дальней стены, вне клетки, Меридиан Век разбирал и собирал свою плазменную винтовку с закрытыми глазами — упражнение Тёмных Ангелов на смирение и память рук; детали ложились на ткань в безупречном порядке, как реликвии на алтарь. Рядом, в тени между стеллажами, где свет ламп не доставал по какой-то вечной неисправности корабельных электриков, Ренн чистил сталкер-болтер. Чёрный щит делал это каждую свободную минуту все трое суток, и оружейные сервиторы уже научились обходить его угол по широкой дуге: не из страха — из смутного машинного такта перед человеком, у которого не было прошлого даже в корабельном реестре, где на месте ордена стоял прочерк, а на месте мира приписки — слово «нет».

Кодиций Севериан в клетку не заходил. Он сидел в часовне палубы, маленькой, как шкаф, перед иконой Императора, вырезанной из брони погибшего дредноута, и вполголоса читал литанию против снов. Сны у Кровавых Ангелов — не отдых. Сны у них — наследство.

Каэлан Вейл нашёл всех сам, обойдя палубу, как обходят позиции перед боем. Сержанту истребительной команды не положено собирать братьев свистком.

— Бронировочная, — сказал он. — Через десять минут. Инквизитор наконец решила, что мы достойны знать, где умирать.

— Давно пора, — сказал Хель, вытираясь полотенцем размером с парус. — У меня от безделья уже характер портится.

— Куда уж дальше, — сказал Ашан.

— Вот! — Волк ткнул в него пальцем. — Научился наконец оскорблять как человек. Моя школа.

Бронировочная галерея «Приговора» была старше самого фрегата: её перенесли сюда целиком с погибшего ударного крейсера, и на стенах, под свежей краской, проступали чужие гербы и чужие имена. Сервиторы-оруженосцы двигались между восемью станками с той торжественной медлительностью, с какой обслуживают не солдат, а святыни.

Вейл стоял на своём станке и смотрел, как вокруг него собирают доспех — пластина к пластине, как собирают гроб, в котором человеку предстоит ещё повоевать.

— Правое оплечье, — сказал он.

Сервитор с пустым, подшитым мигательной перепонкой лицом поднёс наплечник. На чёрном фоне — голова ворона, белая, как кость на ветру. Гвардия Ворона. Дом, который остался где-то за двумя сотнями лет войны и одной клятвой, которую нельзя разглашать. Под гербом, мелко, рукой самого Вейла была выцарапана строчка, которой не было ни в одном уставе: *«Полк не забыт»*. Сервиторы каждый раз пытались закрасить её при обслуживании. Вейл каждый раз выцарапывал заново.

Левое оплечье принесли после: серебро, череп и крылья, инквизиторская «I». Дом нынешний.

Вейл всегда надевал их в этом порядке. Сначала — кем он был. Потом — чем он стал.

На соседних станках ритуал шёл у каждого по-своему, и Вейл, как всегда, краем глаза сверялся с братьями — не из любопытства: командир истребительной команды обязан знать, в каком состоянии его люди до того, как это узнает враг. Ферро спорил с сервитором о калибровке серворуки на бинарном, и спор этот звучал как перебранка двух дверных петель. Праксис принимал доспех в полной тишине и проверял каждое сочленение лично, по списку. Севериан надевал психокапюшон последним, задержав его в руках на лишнюю секунду, — и Вейл увидел, как по витку серебряных проводников капюшона пробежала статическая искра, хотя питание ещё не подали. Меридиан перед надеванием шлема коснулся двумя пальцами маленькой иконки, приваренной изнутри к нагруднику, — жест, которого он не делал при посторонних и который сделал сейчас, забывшись. Ренн надел оба наплечника сам, не дожидаясь сервиторов: левый — серебряный, правый — пустой, чёрный, как ночь без звёзд. Сервитор-оруженосец замер перед этой пустотой с кистью и краской, не зная, что ему делать с местом, где у всех остальных что-то есть.

— Оставь, — сказал ему Ренн. — Там всё правильно. Там ничего нет — и это самое честное, что на мне надето.

Оружейный мастер фрегата, старый техножрец с четырьмя руками и голосом из динамика на груди, уже ждал их у стеллажей боеприпасов.

— Профиль угрозы — *Corporaptor Hominis* и производные, — проскрежетал он. — Распоряжение сержанта получено. Выдаю: «хеллфайр» — основа, кислотное ядро, против биомассы. «Кракен» — каждый второй магазин, против хитина и брони. «Драгонфайр» — только брату Келу в баки, состав изменён для влажной атмосферы. Брат Ренн: ксенофазный клинок из хранилища номер три. Подпись здесь. И здесь. И кровью — шутка. Пока не кровью.

— У тебя ужасные шутки, мастер, — сказал Ренн, принимая ножны. Клинок в них не звякнул: фазовое лезвие не касается ножен, оно висит в собственном поле, как висит в воздухе дурная весть.

— У меня нет чувства юмора, брат. У меня есть архив чужих шуток и обязанность их воспроизводить. Брат Хель: ваши комби-мельта и топор. Топор плачет.

— Это конденсат, — сказал Волк с достоинством. — Морозные топоры не плачут. Они потеют перед дракой.

Стратегиум фрегата был тесен для восьмерых астартес; казалось, помещение спроектировали из расчёта, что десантники будут склоняться над тактическим столом по одному, а не всей истребительной командой сразу. Над столом вспыхнул гололит. Инквизитор Мейв Холлоуэй не почтила команду личным присутствием: её изображение в полный рост, в парадном панцире Ордо Ксенос, возникло над картой планеты и обвело восьмерых взглядом женщины, которая за сто семьдесят лет жизни научилась не тратить мимику на десантников.

— Господа, — сказала она. Астартес терпеть не могут, когда их называют господами; Холлоуэй знала это и называла именно так. — Веспер Тарн. Шахтёрский мир, сегментум Ультима. Прометий-сырец и адамантиевая руда, десятина класса «Секундус-Экстра». Четыреста восемьдесят миллионов подданных. Один город-шпиль, один космопорт, один лорд-губернатор, которому двести три года и который в настоящий момент умирает — медленно и публично.

Карта сменилась таблицами переписи за девяносто лет.

— Новость состоит в том, что перепись планеты врёт. Систематически, поколениями. Мой агент в Администратуме — позывной «Псаломщица» — три года сверяла приходские книги, шахтные пайковые ведомости и генные пробы десятинных рекрутов. Расхождение: от одиннадцати до четырнадцати процентов населения столицы официально не существует. Дети рождаются без записей. Целые кварталы числятся затопленными — и потребляют пайки, воду и электроэнергию на сорок тысяч человек.

— Обычная коррупция, — сказал Праксис. — Приписки. Мёртвые души.

— Половина миров сегментума не прикладывает к генным пробам десятинных рекрутов вот это.

На гололите развернулась спираль геномной карты. Чужие вставки в человеческую цепочку были прошиты в неё, как серебристая нить в чёрную ткань. Ферро наклонился ближе; на его железной половине лица это движение выглядело как прицеливание.

— Ксенос-гибридизация. Минимум третье поколение. Схожесть маркеров с архивными образцами *Corporaptor Hominis* — девяносто восемь и четыре десятых процента.

— Генокрады, — сказал Ренн из тени у вентиляции. — Выводок старше восьмидесяти лет. Астропатический хор?

Холлоуэй помолчала ровно столько, сколько нужно, чтобы все поняли: следующий факт ей самой не нравится.

— Хор Тарна четыре дня назад передал сообщение, которое вы читали: «Перепись врёт. Отец идёт снизу. Они поют ему навстречу». С тех пор хор не отвечает. Вокс-связь с планетой

при этом в полном порядке: губернаторский дворец сообщает, что хор «удалился для поста и молитвы».

Севериан стоял с закрытыми глазами и слушал что-то, чего не слышал больше никто в стратегиуме.

— Они не молчат, инквизитор. Их *не слышно*. Это разные вещи. На границе системы что-то давит. Как ладонь на барабан. Выводок поёт — я слышу краем, как хор за стеной. И что-то в темноте начинает поворачиваться на звук.

— Именно поэтому вы здесь, а не флот сектора. — Холлоуэй вывела на гололит вторую карту: маршруты конвоев. — Через девятнадцать дней на Тарн прибывает десятинный флот. Если выводок поднимет столицу к его приходу, зараза уйдёт на транспортах в четыре системы. Санкции на Экстерминатус у меня нет и не будет: Тарн платит прометием для трёх крестовых походов, а Верховные лорды не жгут такие миры по подозрению в приписках. — Она позволила себе сухую, как треск пергамента, почти-улыбку. — Санкция у меня, впрочем, подписана. Не хватает только даты. Не заставляйте меня её ставить.

— Задача? — спросил Вейл.

— Скрытно высадиться. Связаться с «Псаломщицей». Подтвердить и картировать заражение. Найти и уничтожить Патриарха выводка и его магуса до того, как песня вашего библиария станет маяком. Без орбитальной поддержки. Без объявления войны. Если планета узнает, что Караул на поверхности, раньше, чем Патриарх умрёт, культ поднимет город в тот же час.

— Восемь стволов против восьмидесятилетнего выводка, — сказал Хель с искренним удовольствием. — Наконец-то честный расклад.

— Восемь стволов Караула, Волк. — Вейл поднялся. — Высадка через четыре часа, в шторм, на заброшенную платформу «Ржавый собор», шестьдесят километров от шпиля. Дальше — туннелями. Караул не несёт знамён, братья. Караул несёт тишину. Не дайте чужаку жить.

— **Не дадим чужаку жить**, — ответили семь глоток, и гололит инквизитора погас.

Штурмовой катер «Приговора» ждал их в ангаре — чёрный, угловатый, с силуэтом птицы, которую природа не проектировала, а война выстрогала. Пилот, лейтенант Имперского Флота Ида Кроу, женщина с лицом, наполовину заменённым аугметикой после какого-то давнего пламени, обошла машину с фонарём и постучала по обшивке костяшками пальцев, как стучат в дверь к старому другу.

— Шторм внизу — девять баллов и растёт, сержант. Платформа не отвечает со вчерашнего дня, но её маяк поёт, как заведённый. Посажу вас на верхнюю палубу, если палуба ещё там. Если нет — сброшу с бреющего, вы, господа в чёрном, от падений не ломаетесь. Вроде бы.

— Мы ломаемся, лейтенант. Просто дорого.

Полёт сквозь шторм Веспер Тарна занимал в лётной книжке Кроу потом отдельную строку: «атмосфера враждебна, видимость нулевая, пассажиры молчали». Пассажиры действительно молчали. Восемь астартес сидели в десантном отсеке в магнитных захватах, и каждый думал своё: Праксис повторял про себя карту туннелей, Хель дремал тем собачьим сном, из которого просыпаются сразу в бою, Ашан вполголоса читал имена — не молитву, а список кварталов нижнего города из досье, запоминая, где живут люди, которых им предстояло не убить. Севериан не спал. Севериан слушал, как за бортом, сквозь шторм и броню, снизу поднимается нота — тонкая, терпеливая, почти нежная.

— Кроу, — сказал Вейл в вокс. — Что с маяком платформы?

— Поёт, сержант. Странно поёт. Слушайте сами.

Она вывела сигнал в отсек. Маяк «Ржавого собора» передавал положенные позывные — и под позывными, на самой грани слышимости, шёл второй сигнал: ровный, низкий гул без слов, записанный поверх, как записывают поверх старой ленты новую молитву.

Севериан открыл глаза.

— Там внизу кто-то молится в передатчик, — сказал он. — Уже давно. Возможно — уже не человек.

Платформа встретила их огнями по периметру, включёнными насосами и полным отсутствием людей. Катер сел на верхнюю палубу в фонтане брызг; рампа упала, и «Оссуарий» вышел в шторм Веспер Тарна — в дождь, пахнущий серой и прометием, в ветер, рвущий с палубы всё незакреплённое.

Смена платформы — тридцать шесть человек — исчезла так, как исчезают люди, которых не убивали: в кают-компании стоял ещё тёплый ужин, в спальном отсеке одежда лежала на койках сложенной, как складывают перед дальней дорогой. Все спасательные лодки были на месте. Все, кроме одной.

— Следы волочения к кормовому трапу, — доложил Ренн, уже обошедший палубу по периметру. — Но не борьбы. Скорее… процессии. Они шли сами. В ряд.

Единственный обитатель платформы нашёлся в радиорубке: сервитор-связист, прикованный к креслу кабелями, как все его братья. Он был мёртв — системы жизнеобеспечения отключились сутки назад, — но передатчик продолжал работать, потому что кто-то бережно переключил его на автономное питание и поставил на повтор последнюю запись с вокс-ленты рубки. На записи тридцать шесть человек смены «Ржавого собора» пели. Без слов. Ровно и умиротворённо, как напевают над колыбелью. Потом, судя по звуку, открыли шлюз и вышли — все, в ряд, в шторм, в сторону единственной отсутствующей лодки.

Ферро выключил передатчик. В радиорубке стало слышно, как шторм бьёт в обшивку.

— Они ушли к городу, — сказал Ашан. — Сами. Их позвали.

— Их позвали *домой*, — поправил Севериан. Библиарий стоял на палубе под дождём и смотрел в сторону невидимого за штормом шпиля, и нота, которую он слышал теперь уже без всякой брони между собой и планетой, делала его лицо старше. — Сержант. Хор внизу не просто поёт. Он *собирается*. Как прихожане перед службой. У нас меньше девятнадцати дней. У нас столько, сколько этой службе осталось до первого «аминь».

Вейл посмотрел на пустую платформу, на тёплый ужин, которого никто не доел, на море, в котором тонула одна лодка с тридцатью шестью поющими людьми, — а может, и не тонула, а шла сейчас к столице, ровно и умиротворённо.

— В туннели, — сказал он. — Двигаемся к точке встречи с «Псаломщицей». И, братья… что бы ни пело у вас в голове по дороге — не подпевайте.

Восемь фигур в чёрной броне ушли в технический спуск «Ржавого собора», и шторм закрыл за ними палубу, как закрывают крышку.

Люк закрылся за ними. Снизу, через металл, всё ещё шла та же ровная нота.

Интерлюдия I. Пепел на мостике

Фрегат «Приговор в молчании». Час спустя после убытия «Оссуария»

Капитан Таддеус Рорк не любил смотреть, как десантники уходят на планету без обратного расписания.

Он стоял у затемнённого иллюминатора ангарной галереи и наблюдал, как катер лейтенанта Иды Кроу проваливается в штормовой покров Тарна. Машина исчезла быстро: сначала огни, потом силуэт, потом даже возмущение в облаках затянулось, будто фрегат никого никуда не отправлял. На мостике «Приговора» в этот момент было тихо, но тишина эта была не мирной, а служебной: офицеры делали вид, что заняты, и не смотрели на капитана, чтобы не мешать ему делать вид, что он спокоен.

— Связь с высадочной группой прекращена по протоколу, — доложила госпожа Винн. — Окно следующего одностороннего пакета — через шесть часов.

— Шесть часов — это долго, Винн.

— Да, капитан.

— А девятнадцать суток?

— Это очень долго, капитан.

— Вот и я о том же. — Рорк отвернулся от иллюминатора. — Инквизитор в стратегиуме?

— Инквизитор в стратегиуме. С ней пакет из секторной канцелярии. Гриф выше корабельного.

Мейв Холлоуэй сидела перед гаснущим гололитом одна. На столе лежали три предмета: футляр с санкцией на Экстерминатус, стальная капсула с пеплом Каллиопы и инфопланшет с гербом секторной администрации десятины. Сообщение на планшете было составлено безупречным канцелярским языком, в котором угрозы выглядели как забота о процедуре.

«Ордо Ксенос предписывается не допускать действий, способных поставить под угрозу приёмку груза категории Секундус-Экстра. Любые сведения о предполагаемой ксенос-контаминации до подтверждения тремя независимыми источниками считаются рабочей гипотезой. Вопросы планетарной юрисдикции остаются в ведении лорда-губернатора Аврелия Кемпа до официальной констатации его недееспособности…»

— Три независимых источника, — сказал Рорк, прочитав через её плечо столько, сколько позволяла субординация, и ещё две строки сверх того. — У нас есть мёртвый хор, агент и генетика. Это три?

— Для канцелярии — один и тот же источник, капитан: я. Астропаты умерли без нотариуса, агент не существует официально, а генетика получена без санкции Администратума. — Холлоуэй выключила планшет. — Сектор не защищает культ. Сектор защищает график. Три крестовых похода ждут прометий, а прометий не умеет ждать конца расследования.

— И губернатор умерший наполовину — удобная юрисдикция.

— Умирающий губернатор вообще идеальная юрисдикция. Он не мешает никому — ни нам, ни тем, кто под ним. — Она коснулась футляра санкции, но не открыла. — Если я объявлю планетарный карантин сейчас, флот десятины уйдёт к запасным мирам, сектор потеряет кампанию, а культ узнает, что раскрыт. Если промолчу и ошибусь в другую сторону — выводок уедет в трюмах на четыре системы.

— Поэтому восемь человек внизу должны дать вам третий источник.

— Восемь десантников должны дать мне *факт*, капитан. Одну догадку канцелярия похоронит быстрее, чем мы успеем её подписать.

Рорк подошёл к тактическому столу. На гололите вместо планеты теперь висели досье «Оссуария»: восемь лиц, восемь орденов, восемь послужных списков неравной длины. Капитан остановил взгляд на сержанте.

— Почему Вейл?

— Потому что он из Гвардии Ворона и умеет работать без свидетелей.

— Это причина для приказа. Я спрашиваю причину для себя.

Холлоуэй долго молчала. Потом открыла в досье страницу, закрытую для большинства офицеров Караула тремя печатями: инквизиторской, крепостной и личной печатью самого Вейла, которой он когда-то скрепил согласие не оспаривать формулировки.

— Морвейн. Двадцать шесть лет назад. Слышали?

— Слышал, что там был осаждённый улей и плохая погода из орков.

— Там был Семнадцатый Морвейнский осадный полк, — сказала Холлоуэй. — Люди. Обычные солдаты, которые три месяца держали внешние батареи, пока истребительная команда Вейла вырезала командование орков в глубине. Когда улей начал падать, инквизитор сектора — не я, капитан, хотя мог бы быть и я, — приказал отвести Караул и обработать внешний пояс орбитальными ударами. В радиусе поражения оставались две батареи полка и колонна беженцев, которых полк не успел вывести. Связь с ними была. Время на эвакуацию — минимальное, но было.

Рорк смотрел на лицо Вейла на гололите. Оно ничего не объясняло. Лица сержантов вообще редко что объясняют.

— Вейл возразил?

— Возразил. Устно и по форме. Потом выполнил приказ. Более того: он подтвердил по воксу, что зона свободна, хотя знал, что это неправда. Инквизитор включил его подтверждение в отчёт как основание удара. — Холлоуэй закрыла страницу. — Семнадцатый полк перестал существовать за восемь минут. Вейл потом лично нашёл их полковой список в сгоревшей канцелярии и передал в крепость. Три тысячи восемьсот имён. Читал он их, по словам капеллана, четверо суток — не как молитву. Как проверку: все ли на месте в смерти, если в жизни он их не уберёг.

— «Полк не забыт», — сказал Рорк.

— Вы видели надпись на наплечнике.

— Господа в чёрном редко пишут на себе стихи. — Капитан помолчал. — И после такого вы доверяете ему операцию, где может понадобиться выполнить мой самый неприятный приказ?

— Я доверяю ему операцию, где может понадобиться *не выполнить* мой самый неприятный приказ вовремя.

Госпожа Винн у двери сделала вид, что внезапно заинтересовалась показаниями пустой консоли. На мостиках кораблей Ордо умение не слышать ценится выше умения стрелять.

— Это опасная логика, инквизитор.

— Это единственная логика, оставшаяся после Каллиопы. — Холлоуэй впервые за разговор посмотрела не на гололит, а на капсулу с пеплом. — На Каллиопе у меня был сержант, который выполнил всё точно и в срок. Образцовый офицер. Ни одной лишней минуты, ни одного лишнего вопроса. Мы убили Патриарха вовремя и всё равно проиграли, потому что никто не задержался проверить зерновоз, не входивший в план. План сработал, капитан. Просто зерновоз в нём не значился.

Она открыла второе досье — Ферро.

— А технодесантник? — спросил Рорк. — Его вы тоже выбрали не за послушание?

— Ферро мне не выбирала. Его выбрал Вейл, и это тоже часть расчёта. Но послужной список у него… полезный. Двенадцать лет назад на исследовательской станции у Гнозиса он подключился к захваченному биоэлектрическому ядру тиранидского организма-разведчика, чтобы остановить распад образца. Марс назвал это «недопустимым интерфейсом с ксенос-нервной тканью». Караул назвал это «успешным получением данных». В двух архивах это записано по-разному.

— Он выжил.

— Он выжил и три дня говорил с задержкой в полсекунды. Потом задержка прошла. Или он научился её скрывать. — Холлоуэй закрыла досье. — Если внизу всё пойдёт так плохо, как я думаю, нам понадобится человек, который уже однажды слушал чужую нервную систему и вернулся с картой.

— А если не вернётся второй раз?

— Тогда я получу ещё сорок грамм пепла и научусь носить две капсулы. — Она сказала это без выражения, и от этого стало хуже, чем от крика.

На консоли госпожи Винн вспыхнул сигнал: очередной запрос губернаторского дворца о неопознанном объекте в тени луны. Дворец вежливо просил идентифицировать судно. Дворец вежливо напоминал о планетарной юрисдикции. Дворец, судя по шифру и времени ответа на предыдущие запросы, уже три дня писал не сам: ответы составлял штаб СПО и подписывал секретарь человека, который редко приходил в сознание.

— Отвечать? — спросила госпожа Винн.

— Нет, — сказала Холлоуэй. — Мы уважаем юрисдикцию лорда-губернатора. Пусть его канцелярия и дальше делает вид, что нас здесь нет.

— Капитан, — госпожа Винн помедлила. — Сенсоры дальнего пояса снова фиксируют тепловые аномалии в кометном льду. Слабые. Как будто что-то большое меняет положение во сне.

Рорк подошёл к экрану. На границе системы, среди ледяных глыб Холодных Сестёр, несколько точек на долю градуса отличались от окружающего холода. Ничего. Почти ничего. Разница между «ничего» и «почти ничего» — это и есть расстояние, на котором живут капитаны.

— Записать. Сверить через час. И не будить мне корабль раньше времени. Старушка нервничает, когда её будят по пустякам.

Холлоуэй встала, взяла футляр с санкцией и капсулу с пеплом — два предмета почти одного веса — и направилась к выходу. У двери остановилась.

— Капитан. Если Вейл начнёт нарушать мои приказы, не докладывайте мне о каждом случае отдельно. Докладывайте, когда это станет необратимым.

— А если он нарушит именно тот приказ, ради которого вы его выбрали?

— Тогда, капитан, — сказала инквизитор Мейв Холлоуэй, — мы узнаем, научился ли он на Морвейне чему-нибудь, кроме чтения списков мёртвых.

Она вышла. На столе остался включённый гололит: планета, восемь угасших маркеров десанта и ни одной линии связи.

Глава вторая. Город ниже уровня моря

Сара Квейл. День первый

Для Администратума Веспер Тарна её звали Ливия Тау, младший аудитор третьего разряда, вдова (муж в документах числился «временно нетрудоспособным по лёгочному профилю»), безупречная посещаемость, почерк — образцовый. Для Ордо Ксенос её звали Сара Квейл, позывной «Псаломщица», и безупречная посещаемость была её бронёй.

Рабочий день аудитора переписи начинался с воды. Контора нижнего округа стояла на сваях над каналом, и по утрам, когда насосы переключали режимы, пол первого яруса покрывался плёнкой воды ровно по щиколотку. Писцы работали босиком, закатив форменные брюки, а приходские книги держали на столах выше, чем собственные кружки с рекафом. Бумага здесь ценилась дороже людей по той простой причине, что людей на Тарне было четыреста восемьдесят миллионов, а сухой бумаги — мало.

— Ливия, ты опять первая, — сказал мастер-писец Одо Брант, её начальник, человек с лицом, которое тридцать с лишним лет канцелярской службы отполировали до выражения вежливой рыбы. — Когда-нибудь я приду раньше тебя и умру от удивления прямо на пороге. Запиши в перепись: «умер от удивления».

— Запишу в графу «прочие причины», мастер Брант. Она у нас самая честная.

Брант хмыкнул и ушёл к своему столу, шлёпая по воде. Сара смотрела ему вслед и думала о том, что три года внедрения научили её главному: враг редко выглядит как чудовище. Чаще он выглядит как начальник, который помнит, как ты пьёшь рекаф, и прикрывает твои отлучки к врачу. Брант был добрым человеком. Брант также, по данным самой Сары, уже шесть лет подписывал сводки по затопленному кварталу Гнилой Гавани, в котором официально не жил никто, а неофициально — сорок тысяч человек. Доброта и соучастие на Тарне не противоречили друг другу. Они были соседями по коммуналке.

До обеда Сара делала свою настоящую работу внутри своей фальшивой: сверяла приходские книги доковых часовен с пайковыми ведомостями глубинных бригад. Работа была медленной, как подъём воды. Вот семья Крей — фамилия старая, шахтёрская, ветвящаяся по всему нижнему городу, как трещина по стеклу: в приходской книге у Креев за девяносто лет родилось сто четырнадцать детей, в переписи значилось шестьдесят девять. Остальные сорок пять существовали только для Бога-Императора и для повитух Братства. А вот её собственная карточка, которую она проверяла теперь каждый месяц с упорством человека, трогающего больной зуб: *Тау, Ливия. Супруг: Квейл, Йорунн, глубинная бригада 14, лёгочный профиль.* В графе генной пробы супруга стоял чужой номер. Не его. Сара знала настоящий наизусть — она сама, ещё не будучи «Ливией Тау», сдавала его пробу в год свадьбы и помнила, как медик шутил про «шахтёрскую кровь, густую, как прометий». Номер в карточке принадлежал человеку, умершему за два года до их свадьбы.

Кто-то очень аккуратно подменил кровь её мужа в архиве. Кто-то, у кого был доступ, терпение и причина.

За час до обеда к её столу подошла женщина с младенцем, завёрнутым в шахтёрский платок.

— Запишите его, госпожа аудитор. Пожалуйста. В часовне записали, а паёк без вашей печати не дают.

Сара взглянула на приходскую выписку. Имя мальчика — Осси. Мать — Грета, сортировщица руды. Отец — глубинная бригада, «переведён в резерв». В графе медицинских отметок повитуха честно написала то, что в переписи писать было не принято: *«жаберные складки, шестой палец левой руки, дыхание самостоятельное»*.

По инструкции Сара должна была отправить выписку на «уточнение статуса». Уточнение в нижнем округе занимало от шести месяцев до вечности. Ребёнок за это время либо умирал, либо исчезал в учёте Братства, которое умеет кормить без печатей.

Сара открыла пайковую ведомость бригады и нашла свободную строку: младенец, умерший три дня назад от лёгочной лихорадки, ещё числился получателем. Она смотрела на строку ровно столько, сколько требовалось, чтобы понять, что собирается сделать, и что обратного пути у подделки с её личным кодом не будет. Потом изменила дату, перенесла номер и поставила печать.

— В контору с ним больше не приходи, — сказала она Грете. — Паёк будешь получать через медико-станцию у доков. Если спросят, почему номер старый, скажешь: ошибка архива. У нас тут половина города — ошибка архива.

Женщина прижала младенца к груди. Из-под платка высунулась маленькая рука и сжала воздух всеми шестью пальцами.

— А если потом найдут?

— Потом найдут живого ребёнка и живую мать. Это труднее списать, чем пустую строку.

Когда Грета ушла, Сара достала из ящика стола собственную тетрадь — не служебную, в серой обложке, которую держала между бланками похоронных извещений. Туда она записывала только правду, шифруя её шахтёрскими сокращениями: *Осси, сын Греты. Рождён. Человек. Записан мною не по форме, а по факту.* Рука у неё дрогнула только на слове «человек».

Она знала, что такие переносы номеров делает и Братство. Знала, что её милосердие пользуется тем же инструментом, что и враг. И всё равно поставила печать второй раз — контрольный оттиск, чтобы паёк не развернули на складе.

В обед Сара пошла на рынок — не потому, что нужен был обед, а потому что рынок нижнего города был лучшим местом в Веспере, чтобы слушать город и не быть услышанной. Рынок стоял на сваях над каналом: рыба, от которой пахло серой и которую ели все; водорослевый хлеб; контрабандный сахар с верхних ярусов; иконки из олова. Иконок Четырёхрукого Святого в этом году продавали больше, чем икон Императора на Троне. Сара купила одну — для отчёта, сказала она себе. Для отчёта. Оловянный святой держал ребёнка двумя руками и благословлял двумя другими, и лицо у него было доброе.

— Бери, дочка, не пожалеешь, — сказала торговка, баба с руками, как корни. — Он наших держит. Мой внук в том году под лёд на канале ушёл, так вынырнул сам, представляешь? Говорит: руки его подняли. Четыре руки. Священник с верхнего города сказал — ересь, а я говорю: пусть ересь, зато внук живой.

— Хороший святой, — сказала Сара и заплатила.

По дороге домой она прошла мимо вербовочного пункта десятинного флота, где под плакатом «ИМПЕРИУМ ЗОВЁТ ЛУЧШИХ» стояла очередь парней из глубинных бригад. Трое из очереди, не сговариваясь, повернули головы ей вслед одновременно. Сара не ускорила шаг. Три года внедрения учат не ускорять шаг.

Дом встретил её запахом варёных водорослей и тишиной. Йорунн сидел на кровати спиной к двери и смотрел в стену, где когда-то висела их свадебная пиктограмма; пиктограмму он снял месяц назад, сказав, что «глаза на ней не туда смотрят». Муж Сары Квейл был большим человеком — глубинные бригады других не держат, — но за последний год он как будто стал собираться внутрь себя: плечи ушли вперёд, голова сидела ниже, а руки, её любимые руки с въевшейся рудной пылью под ногтями, он теперь прятал под стол или в рукава.

— Йорунн. Я рыбу принесла.

— Жена. — Он обернулся, и лицо у него было его, родное, и глаза его, только смотрели они теперь чуть дольше, чем нужно, как смотрят люди, слушающие одновременно тебя и что-то ещё. — Хорошо, что ты дома. Мне в лечебницу сегодня. Братство обещало: у них там сон

лечат. Глубокий сон, без воды. Я устал тонуть каждую ночь, Сара. Я на работе тону, дома тону… А там, говорят, поднимают.

— Какая лечебница, Йорунн? У тебя направление от бригадного медика должно быть.

— Братство Утреннего Прилива своих без направлений берёт. — Он улыбнулся, и улыбка была его, прежняя, от которой у неё когда-то в семнадцать лет подкашивались колени в доковой часовне. — Не бойся. Там сёстры хорошие. Там тихо. И поют — заснёшь, как ребёнок. — Он положил ладонь ей на живот, бережно, и вдруг замер, прислушиваясь уже не к ней: — Она тоже слышит. Ты знаешь?

— Что слышит?

— Как поют. — Он сказал это просто, как говорят о погоде. — Ей нравится. Не бойся за нас, жена. Нас скоро всех поднимут.

Сара Квейл, оперативник Ордо Ксенос с тремя годами внедрения и подготовкой, включавшей курс сопротивления допросу, стояла посреди собственной кухни и не могла придумать ни одного слова. Она приготовила рыбу. Они поели. Йорунн собрал сумку в лечебницу — смену белья, кружку, оловянную иконку Четырёхрукого, которую она купила «для отчёта» и которую он взял с тумбочки так естественно, словно она всегда была его. У двери он поцеловал её в лоб, как целуют детей и покойников.

— Если будут спрашивать в бригаде, скажи: ушёл лечиться. Вернусь к празднику. К самому Приливу вернусь, обещаю.

Дверь закрылась. Сара посмотрела на вокс-бусину в ладони. До проповеди в доковой часовне оставался час. До встречи с людьми, которых она три года звала своими отчётами через половину галактики, — три часа. Она надела серую шинель аудитора, спрятала блокнот со стенографическими крючками, которым её научили не в Администратуме, и вышла в сумерки.

Мать Северина проповедовала в доковой часовне по вторникам и пятницам, когда бригады выходили из глубинных смен и у вдов собиралась очередь за пайками Братства. Часовня пахла мокрым камнем, дешёвым ладаном и супом из водорослей с кухни Братства — супом, ради которого, честно говоря, и приходила половина женщин с детьми. Голод — лучший миссионер; Северина это знала лучше любого кардинала.

— …Император смотрит на нас сверху, — говорила Мать с амвона, и голос её, тёплый и чуть надтреснутый, накрывал часовню, как одеяло накрывает зябнущего. — Так учат в верхнем шпиле, дочери мои, где сухо и где паёк не делят на троих. Но я была внизу. Я хоронила ваших мужей, когда море брало штольни. И я говорю вам: Он не только сверху. Он и *снизу* тоже. Он в глубине, где темно и страшно, где тонут наши мальчики. Он идёт к нам из глубины — с руками, полными милости. У Него хватит рук на всех утопающих. На всех, сёстры. Никто не останется в воде один.

Женщины вокруг Сары плакали не таясь. Старуха Анна-Лия Верн, вдова бригадира, сжимала её рукав узловатыми пальцами и кивала каждому слову. На руках у молодой вдовы через проход спал младенец, и Сара машинально отметила то, что не отметила бы ни одна прихожанка: запястья младенца под пелёнкой гнулись нежно и неправильно, а когда ребёнок завозился во сне, из-под чепчика блеснули фиолетовые, слишком взрослые глаза — и посмотрели прямо на неё.

После проповеди Северина, раздавая пайки у дверей, задержалась возле Сары на секунду дольше, чем возле других. Рука Матери — тёплая, сухая, совершенно человеческая рука — легла ей на локоть.

— Ты бледная, дочка. Заходи к нам в лечебницу при часовне. У нас и для таких, как ты, есть покой. — Её взгляд на миг опустился Саре на живот, скрытый шинелью шестого месяца, и вернулся обратно. — Для *обеих* вас.

— Спасибо, Мать, — сказала Сара. — Я подумаю.

— Подумай. Только недолго. Вода поднимается.

Часовня запела — без слов, как принято у Братства: ровный, низкий гул сотен глоток, от которого вибрировали стёкла и вода в чаше у входа шла кругами. Сара пела вместе со всеми и, как всегда в эту минуту, почувствовала, как внутри неё шевельнулся её ребёнок. В такт. Она говорила себе, что это совпадение, уже два месяца, по вторникам и пятницам, и фраза работала всё хуже.

Вокс-бусина в ухе щёлкнула условленным кодом: три коротких, пауза, один длинный. *Группа на подходе. Туннель обслуживания двенадцать. Двадцать минут.*

Три года она посылала отчёты в пустоту. Пустота наконец ответила.

Сара выскользнула из часовни под дождь, в вечные сумерки нижнего Веспера, где улицы были каналами, а каналы — улицами. Гул из часовни не отстал: он шёл за ней не через воздух, а через неё саму. У арки под эстакадой она остановилась, прислонилась лбом к холодному камню и заставила себя дышать по счёту. *Я — Сара Квейл, оперативник Ордо Ксенос. Мой ребёнок — человек. Мой муж — человек. Мой муж ушёл в лечебницу, где его уложат спать в воду, и я иду рассказывать об этом ангелам смерти, потому что больше некому.*

Технический спуск номер двенадцать пах мазутом и стоял в темноте, как все спуски. Сара спустилась на две площадки, остановилась и сказала в темноту пароль первой половины:

— Перепись врёт.

— А мы пришли её исправить, — ответил из темноты голос, и Сара Квейл впервые в жизни увидела космического десантника не на пикте.

Он вышел из тени так, как выходят из воды: без всплеска. Чёрная броня, серебряная левая рука, голова ворона на правом наплечнике. Ростом он был так высок, что Саре пришлось вспомнить подготовку, чтобы не отступить. За ним, уже не скрываясь, возникли остальные: гигант с драконом на наплечнике и глазами-угольями; волк — иначе обладателя такой гривы и таких клыков назвать было трудно; римлянин с «омегой»; рыцарь с крылатым мечом; жрец-машина с железным лицом; ангел с каплей крови и лицом статуи. Восьмого Сара заметила последним — там, где только что, она могла поклясться, была просто стена. У восьмого на правом наплечнике не было ничего.

— «Псаломщица»? — спросил ворон.

— Сара Квейл, господин. — Она заставила себя смотреть ему в визор, а не на болтер. — Три года ждала. Я уже думала, что поздно.

— Докладывай коротко. Что главное?

— Главное, сержант, — что карта заражения у меня в голове и в архиве переписи, а архив в двух кварталах отсюда, и ночью там только дежурный архивариус. Главное — что культ знает про хор и ждёт праздника. И главное… — Она помедлила. Ангел с каплей крови в этот момент чуть повернул к ней голову, как поворачивают на звук, и Сара поняла, что он *слышит*: не её — ребёнка. Ноту. Но ангел промолчал, и она была ему за это благодарна так, что у неё защипало глаза. — Главное, что мой муж сегодня ушёл в лечебницу Братства «лечить сон». Если вы найдёте его в их списках раньше, чем они его… поднимут… я буду вам должна больше, чем службу.

— Запишем, — сказал ворон. — Веди в архив, агент. И держись между мной и братом Келом. Что бы ни пело у тебя в голове по дороге — не подпевай.

— Вы тоже это слышите? — вырвалось у неё.

— Нет, — сказал сержант Караула Смерти Каэлан Вейл. — Но я вижу, как ты слушаешь.

Вода в канале у спуска шла кругами, хотя дождя на этом участке улицы не было. Восемь гигантов и одна женщина в серой шинели ушли в темноту нижнего города, туда, где три поколения лжи спали в бумажных книгах по щиколотку в воде.

Глава третья. Перепись мёртвых

Архив Администратума нижнего Веспера занимал три затопленных по колено этажа под ратушей переписи, и бумага в нём умирала уже второе столетие — медленно, достойно, не переставая при этом считаться священной.

Здесь жили. Не в переносном смысле: целые династии писцов рождались, служили и умирали, не поднимаясь на поверхность годами. У них были свои кварталы между стеллажами, свои часовни в нишах, свои лодки для перевозки книг по затопленным галереям в сезон высокой воды и свой, особый говор, в котором слово «наверх» означало что-то вроде «на тот свет». Сара вела отряд по служебным галереям мимо инфо-сервиторов с высохшими пальцами, перебиравших приходские книги при свете прометиевых ламп, мимо спящего прямо на стопке пайковых ведомостей писца-подростка, мимо стены, на которой поколения архивистов выцарапывали свои имена и годы службы. Самое старое имя датировалось годом основания архива. Самое свежее кто-то выцарапал на прошлой неделе.

Восемь астартес в чёрной броне шли следом бесшумно, как умеют только те, кого учили двигаться в двухсоткилограммовом доспехе тише смертных. Потолки архива строили люди, не рассчитывавшие на Караул Смерти, и Хель дважды прикладывался шлемом о притолоку с глухим звоном, после чего шёл, пригнувшись и ворча на фенрисийском наречии слова, которых нет в имперских словарях.

— Ваш город строили гномы? — спросил он у Сары.

— Простите, господин. У нас тут все проёмы такие.

Волк хмыкнул с одобрением. Сара не знала, что только что сдала первый экзамен.

У сектора генной десятины их ждала дверь без номера и сканер, помнивший ещё прошлый век. За дверью дежурил ночной посыльный — писцовый мальчишка лет пятнадцати с фонарём. Увидев Сару, он оживился:

— Госпожа Тау! А мастер Брант сказал, вы к врачу… — Он увидел тех, кто стоял за её спиной, и фонарь в его руке дрогнул. — Ой.

— Тимм, — сказала Сара быстро и мягко. — Это проверка. С самого верха. Ты ничего не видел, ты спал у себя в каморке, и если тебя спросят — ты спал. Понял? Беги к себе и спи по-настоящему. Это приказ, который спасает тебе жизнь.

Мальчишка исчез так, как умеют исчезать только подростки и десантники Гвардии Ворона. Вейл посмотрел ему вслед.

— Ты рискуешь им, оставляя в живых свидетеля.

— Я рискую собой, сержант. Он меня знает в лицо три года. Если его завтра найдут мёртвым после моей смены, вопросов будет больше, чем от живого мальчишки, который умеет молчать из страха. — Она приложила ладонь к сканеру. — Сюда не заходят без допуска «пурпур-два». У меня «пурпур-один», но замок старый и, по-моему, немного еретик.

Замок пискнул и сдался.

За дверью было сухо — впервые за эту ночь. Ряды стазис-стеллажей уходили в темноту: восковые цилиндры с образцами крови, волосами и молочными зубами каждого рекрута, которого Тарн за девяносто лет отправил в имперскую десятину. Праксис остался у двери. Ренн и Меридиан разошлись тенями вдоль стеллажей. Ферро шёл по центральному проходу, ведя сенсорами по печатям, и его человеческий глаз сузился.

— Печати вскрывались. Многократно. Аккуратно. Человеком, который знал литургию доступа наизусть.

— Или людьми, — сказал Меридиан из темноты. Тёмный Ангел уже нашёл архивариуса.

Старик был прикован к кафедре учёта не цепями — должностью: инфо-кабели входили ему в виски, а глаза заменяли мутные линзы, в которых плавали цифры. У кафедры на коле-

нях, с подносом, застыл его помощник-сервитор. Архивариус не испугался десантников так, как пугаются люди. Он испугался как чиновник: тем, что в его секторе теперь будет *несоответствие*.

— Допуск… — начал он.

— У нас есть допуск выше, чем у смерти, — сказал Меридиан ласково и положил бронированную ладонь рядом с его головой, не касаясь. — Скажи мне, писец, кто за последние три года правил генные карты?

— Генные карты не правят. Генные карты *сверяют*. Если образец не соответствует… его заменяют соответствующим. Чтобы десятина не позорилась. Чтобы губернатор не гневался. Чтобы дети могли служить Императору.

— Дети с лишними суставами, — сказал Вейл.

Праксис от двери внезапно вмешался — негромко, как вмешиваются ультрадесантники, то есть как закон, который вдруг заговорил:

— Старик. По Административному кодексу, статья девяносто третья, подлог генной десятины — государственное преступление с одной санкцией. Но статья девяносто четвёртая даёт освобождение тому, кто первым даст полные показания следствию. Я не обещаю тебе жизнь. Я обещаю процедуру. Для человека твоей службы процедура — это немало.

Линзы архивариуса повернулись к нему. Потом — к Саре. Старик улыбнулся ей так, как улыбаются родне на поминках.

— Процедуру, — повторил он с наслаждением. — Девочка, скажи римлянину: у нас тут своя процедура. Давняя. А ты всё считаешь, считаешь. А он уже сосчитал тебя.

— Где карты глубинных бригад за последние десять лет? — спросила Сара. Голос её не дрожал, и Вейл отметил это про себя так, как отмечают качество клинка. — Четырнадцатой бригады. Фамилия Квейл.

— Ишь ты, — сказал архивариус почти нежно. — Мужа ищешь. А муж твой уже в лучшей переписи, чем эта. В той, где не бумага, а кровь. Скоро и ты туда попадёшь, с дочкой вместе. Отец любит полные семьи. У него в книгах никто не потерян.

Хель шагнул вперёд с рыком, от которого стазис-цилиндры тонко зазвенели в гнёздах, но Вейл поднял два пальца, и Волк замер. Североиан, стоявший у двери с закрытыми глазами, вдруг сказал:

— Он поёт. Про себя. Ту же ноту, что в часовне. Она отзывается где-то внизу. Как струна на струну. Их много, сержант. И нота сегодня выше, чем вчера.

Ферро тем временем вскрыл центральный когитатор архива — машину размером с алтарь, чей машинный дух технодесантник прежде всего почтил короткой литургией извинения за грубость предстоящей работы. На зелёном экране поплыли кварталы нижнего города: энергопотребление, водяные счётчики, пайковые нормы. Целые районы, по бумагам затопленные сорок лет назад, горели ровным тёплым светом жизни.

— Вот ваше подтверждение, — сказал Вейл в вокс, хотя связь с орбитой теперь работала в одну сторону. — Заражение картографировано на треть. Инфраструктура переписи захвачена выводком минимум в двух поколениях.

— Погоди. — Рука Ферро замерла. — Пока искал, зацепил смежный реестр. Запросы на доступ к генным пробам извне Администратума. Знаешь, кто одиннадцать лет подряд запрашивал образцы «аномальных семей» для изучения? Адептус Механикус. Магос-биологис Кси-Лямбда-9 Восс. Одиннадцать лет, сержант. Она знала. Возможно — раньше Ордо.

— Запиши, Праксис. С магосом у нас будет отдельный разговор.

— Уже записано. А теперь главное. Журнал ночных доступов. — Ферро развернул экран к Саре. — Код на половине правок — твой.

— Я… — Сара смотрела на собственный служебный шифр, аккуратно повторённый в сотнях записей, сделанных в часы, когда она спала. — Я этого не делала. Сержант, я три года…

— Знаю, — сказал Вейл так спокойно, что она умолкла. — Вопрос не в том, делала ли ты. Вопрос в том, кто пользуется твоим кодом и твоей рукой. — Он посмотрел на архивариуса. — Старик. Один вопрос. Где спит Отец?

— Отец не спит. Отец слушает, как мы поём. А когда мы споём достаточно громко — ему ответят все его дети. И те, что в городе. И те, что в небе.

В дальнем проходе, за стеллажами, что-то металлически щёлкнуло. Ренн даже не повернул головы:

— Сержант. К нам гости. Свой же, архивный.

Писец средних лет, до того прятавшийся за стеллажом «Г» (Глубинные бригады, Гнилая Гавань, Губернаторские указы), выскочил в проход с прометиевой лампой в поднятой руке и лицом человека, совершающего подвиг. Целью его был не отряд. Целью был стеллаж с генными картами.

Ашан перехватил его на третьем шаге — просто выставил руку, и писец налетел на неё, как налетают на закрытую дверь. Лампа упала и разбилась о пол; Ферро наступил на растекающийся прометий сапогом, и огонь умер, не родившись. Писец забился в руке Саламандры и закричал — не от боли: он *запел*, громко, из последних сил, без слов, и архивариус за кафедрой подхватил ноту, и помощник-сервитор вдруг выпрямился и повернул голову к своему господину с точностью механизма, получившего новый приказ.

— Выводок обрезает нити! — крикнул Севериан.

Архивариус умер раньше, чем Меридиан успел протянуть руку: спина выгнулась дугой, инфо-кабели вырвало из висков, а нота, которую слышал один библиарий, на миг стала слышна всем — низкий торжествующий гул прошёл по затопленным этажам архива, по воде, по костям. Писец в руке Ашана обмяк с той же секундой, живой, но пустой, как сброшенная кожа: разум, державшийся на хоре, ушёл вместе с нотой, оставив тело дышать. Саламандра осторожно опустил его на пол.

— Он знает, что мы здесь, — сказал Севериан глухо. — Теперь — знает точно.

В этот момент за их спинами, у двери без номера, раздался вежливый механический кашель усилителей речи.

— Какая досада, — произнесла магос-биологис Кси-Лямбда-9 Восс, вплывая в сектор генной десятины на шести суставчатых ногах в сопровождении двух боевых сервиторов. — Вы только что уничтожили уникальный интерфейс между Администратумом и ксено-коллективным разумом. У меня ушло одиннадцать лет, чтобы его вырастить.

Восемь болтеров поднялись одновременно. Восс остановилась и склонила голову-маску с видом человека, которому восемь болтеров — не аргумент, а комплимент.

— Не стреляйте, господа из Караула. Если вы убьёте меня сейчас, кто же покажет вам, где я держу живого гибрида четвёртого поколения?

— Магос, — сказал Ферро, и в голосе технодесантника Железных Рук прозвучало нечто, от чего даже Хель покосился на него. — Одиннадцать лет. Рассказывайте. И начните с того, почему Марс молчал.

— Марс не молчал, брат. Марс *наблюдал*. — Восс прошла к стеллажу и коснулась одного из восковых цилиндров с нежностью коллекционера. — Выводок Тарна — не просто зараза. Это закрытая популяция, четыре поколения контролируемой гибридизации в изоляции. В глубинных преданиях и старых записях эпизодические контакты тянутся веками, но устойчивой популяцией выводок стал только восемьдесят семь лет назад; ускоренное созревание позволило циклу замкнуться. И у него есть аномалия, которой нет в стандартной модели: обычный поцелуй меняет потомство взрослого носителя, а не его тело. Тарнская линия научилась доращивать взрослых в коконах. Уникальный ряд данных. Я докладывала. Решение было принято на уровне, где ваш инквизитор и я значим одинаково мало: наблюдать, пока ряд не завершится сам. — Она повернула маску к Вейлу. — Ряд завершается, сержант. Поэтому я здесь. И поэтому

я предлагаю сделку теперь, а не через неделю: мои архивы, мой живой образец и моя карта инкубаториев — в обмен на право присутствовать при финале и забрать то, что останется от Патриарха. Изучать. Вы ведь всё равно собираетесь его убить. Мёртвый бог нижнего города мне тоже подойдёт.

— Сначала карта, — сказал Вейл.

— Разумеется. — Из рукава Восс выдвинулся инфопланшет. — Девять инкубаториев. Ближайший — приют Братства в квартале от архива. Там, по моим данным, сейчас проходит третью стадию супруг вашего агента.

Сара не издала ни звука. Она просто перестала дышать на несколько секунд, и Вейл, не глядя на неё, сказал то, что говорят людям, чтобы вернуть их в строй:

— Слышала, агент? Пошли. Посмотрим, что там осталось от Йорунна.

Сара кивнула не сразу.

Интерлюдия II. Канцелярия наследницы

Верхний город. За два дня до рейда в приют Братства

Канцелярия Селестины Кемп помещалась в бывшей оранжерее губернаторского дворца, потому что никакой другой канцелярии ей не полагалось.

Формально племянница и наследница лорда-губернатора занимала должность инспектора гражданской помощи: медико-станции, эвакуационные планы на случай штормов, пайковые резервы для затопляемых кварталов. Должность была почётной, безопасной и почти полностью декоративной — именно такой, какую дворец обычно создаёт для родственников, которых нельзя сослать и нежелательно слушать. Селестина за шесть лет превратила декорацию в ведомство. У неё были тридцать две медико-станции, собственные лодочные команды, склады, список врачей, которым она доверяла, и вооружённая охрана при трёх крупнейших станциях. Охрану ей разрешили после того, как банды из доков дважды грабили медикаменты. Дворец считал, что выдал наследнице игрушечный полк. Селестина считала иначе, но вслух не спорила.

В то утро на её столе лежали три папки.

Первая — сводка энергопотребления квартала Гнилой Гавани, официально затопленного и нежилого уже девятнадцать лет. Квартал потреблял электричество, воду и тепло как сорок тысяч жителей с очень ровным, нечеловечески дисциплинированным графиком: без праздничных пиков, без ночных провалов, без сезонных колебаний.

Вторая — пайковые ведомости. На Гнилую Гавань регулярно выписывались пайки «для ремонтных бригад». Ремонтные бригады менялись каждый квартал, но подписи получателей повторялись десятилетиями. Один получатель, судя по дате рождения в старой переписи, получал паёк в возрасте ста сорока одного года. Другой начал получать его за шесть лет до собственного рождения.

Третья папка была тонкой. В ней лежало прошение.

«Госпожа инспектор, пишет вам вдова бригадира Далия Верн. Мужа моего записали переведённым в резерв, а он утонул при прорыве в семьдесят третьем. Детей у меня трое, пенсию не дают, потому что муж по бумагам жив. Прошу записать его мёртвым, а нас живыми…»

Селестина прочла прошение четыре раза. Не потому, что не поняла. Потому что подпись чиновника, отказавшего в рассмотрении восемь лет назад, стояла знакомая. Её собственная. В двадцать два года, на первой дворцовой практике, она подписывала отказы пачками по тридцать штук, не поднимая головы от стола, и очень гордилась скоростью. Скорость тогда считалась признаком пригодности к власти.

— Вы звали, госпожа инспектор? — В дверях оранжереи стоял мастер-писец Одо Брант с папкой, прижатой к груди обеими руками, как щит. За его спиной маячил казначей дворца, господин Сеймур, — человек, для которого любая цифра становилась приличной, если её правильно округлить.

— Звала. Садитесь. Оба. И объясните мне Гнилую Гавань.

Казначей сел первым и сразу улыбнулся улыбкой человека, который тридцать пять лет объясняет наследникам, почему трогать ничего нельзя.

— Старые сети, госпожа инспектор. Утечки. Контрабандные подключения. Нижний город ворует энергию так же естественно, как дышит. Пайки ремонтным бригадам списывают по инерции, это безобразие, но безобразие бухгалтерское, а не государственное.

— Сорок тысяч человек безобразия.

— Сорок тысяч *условных потребителей*. Цифра не обязана означать людей.

— А подпись получателя, которому сто сорок один год?

— Долгожительство на Тарне недооценено.

Селестина посмотрела на Бранта. Мастер-писец не улыбался. Он смотрел на третью папку — тонкую, с прошением вдовы.

— Мастер Брант. Вы вели перепись нижнего округа тридцать лет. Скажите честно: Гнилая Гавань пуста?

Брант помолчал так долго, что казначей успел недовольно вздохнуть.

— По переписи — пуста, госпожа инспектор.

— А не по переписи?

— Я писец, госпожа. Для меня существует только то, что можно внести в графу. — Он поднял глаза, и Селестина впервые увидела в них не служебную вежливость, а усталость человека, который много лет прятался за этой фразой и сам устал от укрытия. — Но если вы спрашиваете не писца… Лодочники говорят, там по ночам свет в окнах. И дети. Много детей.

— Почему их нет в графах?

— Потому что графы для них не предусмотрели один раз, а потом уже поздно стало предусматривать. Новая графа задаёт вопросы к старым. Кто не записал? Почему? Куда ушли пайки? Кто брал с них налог без квитанций? — Брант развёл руками, и папка на его коленях дрогнула. — Система предпочитает, чтобы людей не было. Это дешевле, чем объяснять, почему их не было в бумагах.

Селестина встала и прошлась между кадками с мёртвыми цветами. Оранжерею во дворце не ремонтировали годами: стекло было в потёках, в углу капало, и где-то в трубах отопления время от времени проходил низкий ровный гул, который сервиторы называли «гидравлическим резонансом». В последние месяцы гул стал ритмичнее. Селестина не была суеверной. Она просто заметила, что на совещаниях люди невольно начинают говорить в паузах этого гула, как будто подстраиваются под невидимого дирижёра.

— Я хочу физическую инспекцию квартала, — сказала она. — Мои медико-станции, лодки, охрана. И ваших писцов, мастер Брант. С настоящей переписью по домам.

— Невозможно, — сказал казначей быстро. — Квартал числится затопленным. Инспекция несуществующего квартала — это политический акт. Секретариат его не согласует.

— Секретариат подпишет. Они там всё подписывают, пока дядя спит.

— Именно поэтому, госпожа инспектор, секретариат не согласует то, что его разбудит. — Сеймур перестал улыбаться. — Вы понимаете, что будет, если вы найдёте там сорок тысяч человек? Им понадобятся пайки легально. Налоги задним числом никто не соберёт. Рекрутов в десятину с них не брали — спросит Администратум. Половина контор нижнего округа сядет. А если там ещё и… генетические отклонения, о которых в последнее время шепчутся, — сюда придут люди, рядом с которыми наш дворец покажется детской комнатой.

— Они уже пришли, господин Сеймур.

Селестина не собиралась этого говорить. Слова вырвались сами, по одной простой причине: накануне вечером командир её охраны доложил, что над платформой «Ржавый собор» видели чёрный десантный корабль без опознавательных знаков, а начальник дворцовой вокс-службы перехватил обрывок направленной передачи на инквизиторской частоте. Селестина не знала слова «Оссуарий». Она знала, как пахнет начало конца привычного порядка.

— Кто пришёл? — спросил Брант очень тихо.

— Те, кто не спрашивает секретариат. — Она вернулась к столу и положила ладонь на тонкую папку с прошением вдовы. — Мастер Брант, у вас в конторе есть аудитор, который последние годы сверяет приходские книги с пайками. Женщина. Тау, кажется.

Брант побледнел так заметно, что казначей повернулся к нему всем корпусом.

— Ливия Тау. Младший аудитор. Очень… тщательная.

— Её сводки попадали ко мне трижды за год. Без подписи, через медико-станции. Я сначала думала, что это шантаж. Потом поняла: кто-то внутри вашей конторы собирает вторую

перепись. Настоящую. — Селестина открыла нижний ящик стола и достала пустой гроссбух в кожаной обложке, купленный ею утром на собственные деньги. — С сегодняшнего дня мы будем собирать её официально. В рамках гражданской помощи. Медико-станции имеют право учитывать пациентов без согласования с переписью — я проверила устав трижды.

— Это будет параллельный реестр населения, госпожа инспектор, — сказал Сеймур. — Секретариат назовёт это узурпацией.

— Секретариат может назвать это медицинской статистикой. — Она положила гроссбух перед Брантом. — Записывать всех, кто приходит. Имя, возраст, адрес, семья. Без графы «правильность». Без пометок о том, кого следует видеть, а кого нет.

Брант коснулся обложки кончиками пальцев, как касаются горячей крышки.

— А если в ваши станции придут те, кого перепись… кого быть не должно?

— Тогда мы наконец узнаем, сколько их. — Селестина посмотрела на прошение вдовы Верн и на собственную подпись восьмилетней давности. — И ещё, мастер Брант. Разыщите Далию Верн. Если жива — пенсию и запись мужа исправить. Если нет — её детей. Это не политика. Это долг с процентами.

Когда чиновники ушли, в оранжерее осталась только командир городских силовиков Марка Весс, всё это время молча стоявшая у стеклянной стены и смотревшая на канал внизу.

— Вы собираетесь воевать с собственным двором книгами, госпожа инспектор? — спросила она.

— Я собираюсь воевать книгами до тех пор, пока не придётся воевать чем-нибудь ещё. — Селестина открыла гроссбух на первой странице и написала сама, аккуратным офицерским почерком: *«Квартал Гнилой Гавани. По бумагам: затоплен. По потреблению: жив. Проверить»*. — Скажите честно, Марка. Ваши силовики в нижнем городе кому подчиняются, когда приказы начнут расходиться?

Марка Весс долго смотрела на воду.

— Мне, — сказала она наконец. — Пока я не прикажу им стрелять в соседей. Мои люди из этих кварталов, госпожа. У половины там матери. У четверти — жёны, о которых в переписи не всё написано. Если генерал Рук однажды прикажет очистить улицу, мои встанут не туда, куда он думает.

— А куда встанете вы?

— Туда, где детей пропускают вперёд. — Марка Весс повернулась от окна. — Простите за прямоту. Я тридцать лет держу порядок в городе, который наполовину существует только потому, что мы делаем вид, что его нет. В последнее время мне всё чаще кажется, что порядок — это не когда тихо. Это когда знаешь, кто именно стоит вокруг тебя в темноте.

В трубах отопления снова прошёл низкий гул. На этот раз Селестина невольно досчитала: три коротких толчка давления, пауза, один длинный. Потом гул повторился.

— Слышите? — спросила она.

— Вся казарма слышит, — сказала Марка Весс. — Механики говорят — насосы. Старые солдаты говорят — город дышит во сне. А я в последнее время просыпаюсь от него в один и тот же час и не могу вспомнить, что мне снилось. Только воду. И руки.

Селестина закрыла гроссбух.

— Тогда начнём с медико-станции у доковой часовни. Усильте её охрану своими людьми, командир. Не СПО Рука. Вашими. Если в ближайшие дни в нижнем городе что-то случится с детьми — а у меня есть основания думать, что случится, — станция примет их без записи в общую перепись. Только в эту книгу.

— Дети Братства тоже?

— Сначала дети, Марка. Остальное потом.

Марка Весс отдала честь и ушла. Селестина осталась одна в оранжерее, среди мёртвых цветов и капающей воды, перечитывая прошение женщины, которой восемь лет назад отказала,

не подняв головы. Потом достала из папки чистый бланк и вписала туда имя вдовы крупно, разборчиво, как пишут то, что нельзя потерять второй раз.

Внизу, под дворцом, насосы переключали режимы. И весь город на секунду вздохнул трубами, каналами и старыми стенами — ровно, терпеливо, в один ритм.

Глава четвёртая. Запах чужой крови

Капитан СПО Ларс Дрей получил приказ в полночь, в штабе глубинных стрелков, из рук адъютанта генерала Рука. Приказ был короткий, как все приказы, которые стыдно писать длинно:

«Объект "Приют Братства" — локализовать. При признаках заражения или вмешательства третьих сил свидетелей не выпускать. Огонь по своему усмотрению. Рук».

— Свидетелей — это и детей, господин адъютант? — спросил Дрей. Он был кадровым офицером третьего поколения, человеком не храбрым и не трусливым, а служащим: таким людям Империум обязан тем, что ещё стоит, и такими людьми удобнее всего делать грязную работу, не называя её грязной.

— Свидетели, капитан, — это все, кто видит то, чего не было. — Адъютант улыбнулся одними губами. У адъютанта были очень ровные зубы и привычка держать левую руку в кармане. Позже Дрей вспомнит эту руку. Слишком позже. — Генерал верит в ваше усмотрение.

Дрей вышел в дождь и поехал собирать роту, а по дороге думал о том, что у него самого дочь в приюте верхнего города, и что слово «локализовать» ему никогда не нравилось.

Дургрим Хель чуял генокрадов за три квартала.

Запах был сладкий и неправильный: как пахнет кровь, в которой растворили мёд и оставили на солнце. Отряд шёл к приюту Братства Утреннего Прилива каналами и техническими галереями, и Волк вёл, то и дело останавливаясь и втягивая воздух сквозь решётку шлема всем своим фенрисийским естеством.

— Впереди тепло и спящие дети, — докладывал он в вокс. — И под ними — старое и злое. И ещё… — Он помолчал. — Сержант. Там пахнет лекарством и тёплой водой. Как в лечебнице. И мужчиной, которого я сегодня уже чуял. На нашей агентше. Тот же пот, та же рудная пыль в нём.

Сара, шедшая между Вейлом и Ашаном, не споткнулась. Она просто сказала:

— Спасибо, брат Хель.

— Не благодари раньше времени, дева. Запах — это ещё не человек.

Приют Братства был трёхэтажным бараком над каналом. Днём здесь кормили двести шахтёрских сирот супом из водорослей, учили их читать по молитвенникам Братства и петь — сначала со словами, потом без. Директриса приюта, матушка Ивейн, женщина с лицом святой с дешёвой иконы, в эту ночь не спала: она обходила дортуары с лампой, поправляла одеяла и слушала, как дети дышат во сне в один ритм. Дышали они всегда в один ритм, сколько матушка себя помнила, и она давно перестала находить в этом что-то странное. Семья, говорила она себе. Семья так дышит.

Когда за окном прачечной мелькнула тень размером с человека и весом с танк, матушка Ивейн не закричала. Она поставила лампу, сложила руки — обе пары, вторую она обычно прятала под шалью даже от детей, — и сказала в темноту дортуара:

— Спите, мои хорошие. Что бы ни случилось — спите. Отец не даст вас в обиду.

«Оссуарий» вошёл через прачечную и крышу одновременно. Ренн снял наблюдателя культа на дымовой трубе без звука и занял его место. Ферро глушил сигнальные контуры здания, попутно сообщив в вокс, что приютская электросеть «поёт» на той же частоте, что и вокс-маяк платформы «Ржавый собор»: кто-то провёл хор в проводку. Севериан, стоя в прачечной с закрытыми глазами, делал самое трудное: он *приглушал* сон двухсот детей, чтобы их коллективный шёпот в варпе не поднял тревогу раньше времени. Его руки при этом дрожали мелко и непрерывно, как у человека, держащего над пропастью что-то очень тяжёлое и очень хрупкое.

Двести сирот спали в дортуарах, и спали странно: все на спине, все лицом в одну сторону — туда, где за стеной и водой, глубоко под городом, лежало нечто, на что их сны поворачива-

лись, как стрелки компасов. Хель шёл мимо коек и чувствовал, как шерсть встаёт дыбом там, где у него давно броня. Половина детей пахла людьми. Половина — сладко.

Ашан остановился у койки девочки лет семи. У девочки были две левые руки: вторая, тонкая, ещё не оформившаяся, росла из-под лопатки и во сне цеплялась за одеяло всеми шестью пальцами. Саламандра смотрел на неё долгую секунду, потом очень осторожно поправил ей одеяло латной перчаткой, в которой мог раздавить череп орка.

— Брат, — сказал Праксис тихо.

— Я знаю кодекс, Октавиан. — Ашан выпрямился. — Я просто хочу, чтобы в протоколе было записано: она спала.

— В протоколе будет записано, — сказал ультрадесантник после паузы. — Я сам запишу.

В кабинете директрисы Сара нашла журнал приёма лечебницы. Она листала его при свете нашлемного фонаря Ашана, и руки у неё не дрожали до самой последней заполненной страницы. Последняя запись, сегодняшним вечером, аккуратным почерком матушки Ивейн:

«Квейл, Йорунн, бригада 14. Принят на глубокий сон. Жалобы: тонет во сне. Направлен в инкубаторий, третья стадия. Жене не сообщать до Прилива — Отец сам сообщит».

— Он внизу, — сказала Сара. — Сержант. Он внизу, и он ещё… запись сегодняшняя. Он ещё может быть собой.

— Тогда вниз, — сказал Вейл. — Тихо заходим, тихо выходим. Дети — не цели. Повторяю: дети не цели, пока у них не вырастут когти.

Спуск в подвал закрывала дверь морозильной камеры. За ней пахло уже не сладким — за ней пахло диким.

Их было шестеро чистопородных, и они не спали. Генокрады охраняли не приют — они охраняли *инкубаторий*: вдоль стен подвала, в тёплой от труб темноте, висели коконы. В ближайшем, полупрозрачном, скрючившись, спал взрослый мужчина с лицом бригадира глубинной смены. Дальше — женщина с седыми волосами, подросток, старик. И в самом конце ряда, у дальней стены, кокон поновее, ещё не до конца затянутый плёнкой, а в нём — большой человек с руками, в которых рудная пыль въелась под ногти навсегда.

— Йорунн! — Сара рванулась к нему через весь подвал.

Лицо в коконе дрогнуло. Глаза открылись — его глаза, человеческие, испуганные, — и губы беззвучно произнесли за плёнкой: *«Жена»*.

Этого хватило.

Первый генокрад ударил с потолка, всеми четырьмя лапами сразу. Хель встретил его морозным топором на взлёте и разрубил от ключицы до таза, и обе половины ещё царапали воздух, падая мимо него. Второй вырвал у Праксиса болтер когтями, способными резать танковую броню, и ультрадесантник, не меняя выражения лица, вогнал ему гладий под челюсть по самую гарду. Третьего и четвёртого Ренн снял сверху, через вентиляционную шахту: два выстрела «хеллфайра», два черепа, лопнувшие изнутри от кислоты, — тихо, как два вздоха. Пятый ушёл по стене за спины отряда, к коконам, и Меридиан встретил его цепным мечом у самой плёнки с Йорунном, разрубив тварь в прыжке так, что ихор забрызгал кокон, но не пробил его.

Шестой ушёл к Саре.

Сара выстрелила трижды. Лаз-заряды сожгли шкуру твари и не замедлили её ни на шаг. Тогда она сделала единственное, чему её не учили в Ордо и что умела любая женщина Тарна с начала времён: закрыла живот руками и закричала — не от страха. Она закричала *ноту*.

Генокрад остановился в полуметре от неё. Бледные огни его глаз смотрели не на Сару — на её руки и живот под шинелью, — и в подвале на один удар сердца стало тихо, как в воздушном кармане утонувшей штольни за восемьдесят семь лет до этой ночи.

Ашан снёс твари голову громовым молотом.

— Встать, — сказал Саламандра Саре и подал руку. — Ты цела?

— Он… Он остановился.

— Показалось от страха, — сказал Вейл. Он стоял у кокона Йорунна и не смотрел на неё. Внутри кокона её муж следил за ними глазами и беззвучно повторял одно слово. — Ферро. Его можно вынуть?

— Можно. — Технодесантник водил сенсорами вдоль плёнки. — И он умрёт в течение часа: кокон уже перестраивает ему нервную систему под внешний ритм. Вынуть сейчас — всё равно что выдернуть человека из аппарата жизнеобеспечения посреди операции. Не вынимать — через двое суток он перестанет быть человеком в медицинском смысле. Выбирай, сержант. Я такие решения в протокол не вношу. Я их только исполняю.

Сара прижала обе ладони к плёнке. Изнутри, медленно, как сквозь сон, Йорунн прижал к её ладоням свои — две. Пока ещё две.

— Сержант, — сказала она, не оборачиваясь. — Я не прошу. Я докладываю: если вы его здесь оставите, я останусь с ним. И вам придётся тащить меня силой мимо него, а я буду кричать, и проснутся дети, и вся ваша тихая война кончится в этом подвале.

Вейл молчал три секунды.

— Меридиан. Минируй инкубаторий, таймер — час. Ферро, подготовь кокон Квейла к транспортировке. Вынесем его к каналу, там лодка Селести… там лодка с платформы. Попробуем довезти до медиков фрегата.

— Сержант, это безумие с точки зрения медицины и тактики, — сказал Праксис.

— Запиши оба пункта. И помоги Ферро.

Они не успели. Сверху ударили автоганы — не по подвалу. По приюту.

Вокс взорвался голосом Ренна, впервые не ровным:

— Сержант! СПО оцепила квартал. Рота, капитан на бронетранспортёре. Они не штурмуют. Они *расстреливают верхний этаж*. Дортуары, сержант. Они бьют по окнам дортуаров, чтобы никто не вышел.

— Зачем?! — Вейл уже бежал наверх.

Ответ он увидел сам. Капитан Ларс Дрей стоял на бронетранспортёре посреди улицы и корректировал огонь с лицом человека, который выполняет приказ, ненавидя каждую его букву, — но выполняет. Его стрелки били по окнам приюта короткими очередями: не на поражение даже, а чтобы здание не покидал никто — ни дети, ни воспитатели, ни те, кто пришёл в него ночью без флага и имени. Локализовать. Свидетелей не выпускать.

На верхнем этаже уже кричали дети.

— Ашан, Хель — наверх, выводите детей к чёрному ходу и в канал! — Вейл рявкнул так, что вокс захлебнулся. — Праксис, Ферро — кокон к лодке! Меридиан, Ренн — прикройте улицу, огонь только по вооружённым и только если иначе нельзя! Это всё ещё имперские солдаты!

Следующие четыре минуты Праксис потом записывал в протокол час и всё равно не смог сделать запись короче страницы. Ашан выносил детей из дортуара по трое, как выносят из пожара, закрывая их своим телом от окон. Хель проломил заднюю стену приюта плечом и держал пролом, пропуская детей и матушку Ивейн к каналу; директриса, увидев его, не закричала — она сказала: «Спасибо» — и Волк потом долго не мог понять, что его в этом «спасибо» так задело. Ренн с крыши снимал не стрелков СПО, а их осветительные ракеты и приборы ночного видения: выстрел — темнота, выстрел — темнота, чтобы рота Дрея стреляла в ночь, а не в окна.

А в подвале в этот момент случилось то, чего Вейл не предусмотрел, потому что невозможно предусмотреть всё. Задняя стена инкубатория, та, что выходила к каналу, оказалась не стеной: по сигналу, которого никто не услышал, она разошлась, как расходятся ворота шлюза, и в пролом, по колено в канальной воде, вошли санитары Братства — молча, быстро, слаженно, как работают на пожаре. Они не стреляли. Они *эвакуировали коконы*: подхватывали их по двое и уносили в темноту затопленного туннеля, туда, где ждали лодки без огней.

— Сержант, коконы уходят вниз по каналу! — доложил Ферро. — Квейла унесли первым. Преследовать?

Вейл посмотрел наверх, где Ашан выносил очередных детей сквозь дым начавшегося пожара. Посмотрел на Сару, которая стояла у пустого места, где висел кокон её мужа, и её лицо в свете фонарей было лицом человека, у которого второй раз за ночь отнимают одно и то же.

— Нет, — сказал он. — Дети дороже. Уходим все. Меридиан, таймер не отменять: пусть инкубаторий горит пустым.

На улице капитан Дрей, увидев наконец в проломе стены чёрных гигантов, выносящих детей под огнём его собственной роты, сделал единственное, что мог сделать служащий человек, понявший, что приказ был преступлением: он приказал прекратить огонь — на полминуты позже, чем следовало, и на полминуты раньше, чем позволил бы себе, если бы не увидел.

— Прекратить! — Его голос сорвался. — Всем прекратить огонь! Это… это ангелы Императора, вы что, не видите?!

— Видим, капитан, — сказал Вейл, проходя мимо его бронетранспортёра с ребёнком на каждой руке. — Запомни эту ночь, когда генерал Рук спросит, почему объект не локализован. Скажи ему: Караул Смерти был против.

Отряд ушёл каналами, унося образцы, карту инкубаториев Восс и сорок спасённых детей, которых на рассвете примет — неофициально и без записей — медико-станция инспектора гражданской помощи Селестины Кемп. Остальные сто шестьдесят… Праксис записал о них одной строкой: *«судьба не установлена; вероятна эвакуация Братством»*. Он не стал писать слово «надеемся». В протоколе Караула такому слову нет графы.

Уже в туннеле Хель догнал сержанта и сказал то, что говорят командиру один раз за службу:

— Ты сегодня дважды выбирал людей вместо задачи, Каэлан. В соборе… в смысле в подвале — мужа этой девы, на улице — детей. Однажды этот выбор тебя убьёт.

— Я знаю, — сказал Вейл. — Но однажды ты расскажешь мне, чем приказ оставить их отличался бы от того приказа, за который я до сих пор расплачиваюсь.

Волк долго молчал. Потом сказал:

— Ладно. Веди. Я пока подумаю.

Сара шла последней и ни разу не обернулась. Только руки её лежали на животе — там, где её ребёнок спал. В такт далёкой, неслышной ноте удаляющихся лодок, уносивших в темноту её мужа.

Интерлюдия III. Штаб генерала Рука

Командный бункер СПО под космопортом. Ночь после приюта

Генерал Бальтазар Рук не спал уже третьи сутки и выглядел при этом лучше большинства своих офицеров.

Выводок держал его, как держат инструмент в исправности: ровное сердцебиение, ясная голова, никаких лишних потребностей. Рук давно перестал понимать, где заканчивается его собственная выносливость и начинается хор, и перестал считать это важным. Солдат не спрашивает, какая часть его силы — тренировка, какая — стимуляторы, какая — приказ. Солдат спрашивает только, хватит ли силы до конца операции.

На тактическом столе перед ним лежал город, разрезанный на сектора ответственности. Красным были отмечены части СПО, в которых глубинные стрелки и симпатизанты Братства составляли большинство. Синим — роты, ещё подчинявшиеся дворцу. Жёлтым — городские силовики Марки Весс. Отдельным, почти белым цветом светились кварталы, где население было смешанным настолько, что любая перепись превращалась в гадание.

— Приют потерян, — докладывал начальник разведки, полковник Эзра, человек с лицом бухгалтера и руками артиста: пальцы у него были длинные, по шесть суставов, и он всё время перебирал ими стилус, как чётки. — Инкубаторий эвакуирован вовремя на семьдесят процентов. Дети верхнего дортуара частично выведены Караулом. Капитан Дрей прекратил огонь раньше расчётного времени.

— Дрей, — сказал Рук без злости. Злость в штабе — признак плохого снабжения. — Его рота ещё наша?

— Формально. По факту капитан начал задавать вопросы.

— Задающий вопросы офицер — это ещё не изменник. Это офицер, которому не дали правильной картины. Пришлите ему сводку: Караул якобы вывез детей для генетических экспериментов Инквизиции. С пиктами пожара. Пусть картина догонит его раньше совести.

Эзра записал. Стилус в его пальцах ни разу не остановился.

— Сводка уже в работе у вокс-группы. К утру листовки будут в доках. Заголовок: «Ангелы крадут наших детей».

— Хорошо. Только без слова «крадут» в офицерской версии. Для офицеров — «изымают». Офицеры любят, когда преступление называется процедурой. Чему их учили, то и сработает.

В дальнем конце бункера, за бронированным стеклом, спал в вертикальной раме адъютант генерала. Левая рука адъютанта, та самая, которую он при людях держал в кармане, во сне жила отдельно: тонкая, шестипалая, она лежала на клавиатуре когитатора и продолжала вводить поправки в мобилизационные списки. Пальцы двигались медленно, как лапки насекомого во сне. Никто из штабных не смотрел в ту сторону дольше секунды. В штабе генерала Рука умели различать то, что следует замечать по службе, и то, что следует замечать только в хоре.

Рук подошёл к боковой стене, где под стеклом лежала единственная неслужебная вещь в бункере: старая пайковая карточка глубинной бригады. Фамилия на ней была выцвела, но генерал знал её наизусть. Руки. Не генеральская династия — шахтёрская семья из квартала, который сорок лет назад впервые «не заметили» в сводках губернатора. Отец Рука, бурильщик первой руки, погиб при прорыве воды и был записан в отчёте не погибшим, а «переведённым в резерв без содержания». Мать три года ходила по конторам, доказывая, что вдовство — это не административная ошибка. Пенсию ей не дали: человек, которого нет, не может оставить вдову, которая есть.

Юный Бальтазар Рук выжил тогда потому, что Братство Утреннего Прилива кормило их квартал из тех самых пайков, которые перепись списывала на несуществующих. В пятнадцать

лет он впервые услышал под полом ноту, хотя нота жила в крови его семьи ещё до его рождения. В двадцать, уже кадетом СПО, получил поцелуй не как первое заражение, а как *запись*: впервые в жизни кто-то большой и терпеливый сказал ему без слов: ты есть, ты наш, ты не потеряешься в бумагах.

Генерал Рук ненавидел губернатора Аврелия Кемпа не как культист ненавидит власть. Он ненавидел его как сын человека, которого власть превратила в опечатку.

— Мать Северина на связи, — сказал Эзра.

Экран вокс-узла ожил без изображения: Магус не пользовалась видеоканалом в штабе, считая, что лицу проповедника вредно появляться рядом с картами артиллерийских позиций. Голос её был спокоен.

— Бальтазар. Твои люди стреляли по приюту.

— Мои люди локализовали объект, Мать. Караул превратил локализацию в бой.

— Дети погибли под перекрёстным огнём. Наши дети.

— Дети погибли бы хуже, если бы все двести попали в руки Инквизиции. Я сохранил инкубаторий и семьдесят процентов коконов.

— Ты сохранил цифры. — В голосе Северины не было гнева, и от этого штабные офицеры вдруг очень внимательно занялись своими консолями. — Отец считает детей не процентами, генерал. Этому ты у губернатора научился, а не у нас.

Рук выдержал паузу ровно столько, сколько требовало уважение, и ни секундой дольше.

— Я научился у губернатора главному, Мать: вовремя стрелять дешевле, чем потом хоронить город. Караул на поверхности. Восемь астартес. Если мы будем ждать твоего идеального рассвета, они вырежут нам узлы по одному. Я предлагаю поднять город через двое суток, пока их агент и библиарий у нас на слуху.

— А я предлагаю помнить, что Вознесение — не твой переворот, генерал. Это встреча. Отец не готов. Хор насосных станций не собран. Десятинный флот ещё далеко, а небо должно услышать нас в полную силу, а не вполголоса от страха перед восемью людьми в чёрном.

— Небо уже слышит.

— Слышит. Но не *видит дороги*. Если мы встанем рано, рой придёт на город, который ещё воюет сам с собой, и съест нас по частям, как ест всё, что не собрано в одно тело. Ты хочешь победить губернатора. Я хочу привести детей домой. Это разные войны, Бальтазар, и Отец пока велел вести мою.

В бункере стало очень тихо. Даже спящий адъютант за стеклом перестал печатать; шестипалая рука замерла над клавиатурой, как паук над паутиной, почувствовавший чужой шаг.

Рук почувствовал, как хор в основании его позвоночника меняет ритм. Не приказ. *Напоминание о месте.* Примус выводка был создан командовать людьми, но не спорить с верой, которая этих людей собирала.

— Принято, Мать. Город встанет по твоему сроку. Я подготовлю артиллерию, вокс и эвакуацию коконов. И Дрея удержу в строю.

— Дрея не удерживай силой. Такие ломаются громко. Дай ему картину, в которой он ещё хороший офицер. Он сам себя удержит, пока сможет.

Связь закончилась.

Эзра подождал три секунды — штабная вежливость после разговора с магусом — и вывел на стол план артиллерийских позиций над космопортом.

— Батареи можно развернуть под видом учений к празднику. Дворец будет возражать.

— Дворец будет умирать, — сказал Рук. — Это разные процедуры. Разворачивай. И подготовь мне два приказа на День Вознесения.

— Два, генерал?

— Первый — официальный. О защите города от ксенос-контаминации в окружении губернатора. Его подпишут все, кто боится хаоса. Второй — настоящий. Его получат только

наши. — Рук провёл пальцем по гололиту от Врат Прилива к дворцу, и красные сектора вспыхнули под его рукой. — В настоящем приказе напишешь просто: никто не утонет. Нашим больше ничего не нужно.

— А если Караул убьёт Мать до срока?

Генерал посмотрел на старую пайковую карточку под стеклом.

— Тогда мы встанем в тот же час, Эзра. Без хора, без красоты, по-военному. И город узнает, что ангелы Императора убили женщину, которая кормила его детей. Иногда мученичество мобилизует лучше проповеди.

Адъютант за стеклом проснулся. Левая рука его быстро, почти виновато вернулась в карман. На экране когитатора остался недописанный список мобилизации. В самом конце списка, после фамилий офицеров СПО, рука во сне добавила ещё одну строку. Не фамилию. Не звание. Просто: *«Отец. Не будить до рассвета»*.

Эзра увидел строку, помолчал и аккуратно стёр её из документа.

— Что там? — спросил Рук.

— Ошибка ввода, генерал.

— У нас в штабе ошибок ввода не бывает, полковник. Бывают записи, для которых ещё не придумали графу. — Рук вернулся к тактическому столу. — Оставь. Пусть перепись Караула потом разбирается, куда его записать.

И он снова склонился над городом, разрезанным на цвета, считая людей так, как его когда-то не сосчитали самого.

Глава пятая. Мать Прилива

Доковый район, вечер пятой стражи

Северина чувствовала толпу как прилив чувствует берег — каждой каплей сразу.

Но сначала был суп.

За три часа до проповеди кухня Братства Утреннего Прилива уже работала в три смены: котлы с водорослевым супом, хлеб из пайковой муки, которую Братство выкупало у доковых кладовщиков по ценам, о которых кладовщики предпочитали не отчитываться, и — роскошь, о которой в нижнем городе ходили легенды, — настоящий сахар для детского чая. Северина лично обходила котлы, пробовала с ложки, благословляла поваров и запоминала имена. Она знала по именам четыре тысячи человек в доковом районе. Не потому, что выводковый хор подсказывал, хотя и подсказывал. Потому что когда-то её саму, семилетнюю, голодную, с лишним суставом на левом запястье, который мать велела прятать под рукавом, одна женщина из Братства назвала по имени у такой же кухни — и это было первое чудо в её жизни. Вторым чудом была песня под полом их барака, которую слышала только она. Третьего чуда в её жизни не случилось: дальше всё было служением.

В Министорум её отдали в двенадцать — семья так решила, а семья у выводка всегда решает заодно с хором. Талантливая девочка с голосом, от которого плакали взрослые мужчины, была слишком ценна, чтобы остаться в доках. Семинария в верхнем городе, миссионерская школа, двенадцать лет службы на трёх мирах, где она хоронила детей от голода, крестила умирающих в канавах и задавала Богу-Императору один и тот же вопрос на трёх языках: *почему Ты молчишь?*

Бог-Император молчал. А песня из-под пола её детства — не молчала ни разу. Она ждала её на каждом мире, тише с расстоянием, но никогда — совсем. И в сорок один год, на похоронах целой деревни, умершей от лихорадки в мире, чьё имя Северина с тех пор не произносила, она впервые ответила песне вслух: «Я слышу. Я иду».

Домой, на Веспер Тарн, она вернулась миссионеркой с безупречным послужным списком и поцелуем Отца, принятым добровольно, в здравом уме, с открытыми глазами. Это отличало её от почти всех детей выводка и делало в глазах Отца тем, кем она была: не инструментом. *Дочерью, которая выбрала.*

— Мать. — К котлам подошёл брат-привратник Горан, бывший портовый грузчик с лицом, наполовину съеденным кислотой на производстве. — Люди собираются. Силовики прислали сказать: митинг не разрешён. Их командир ждёт у ворот и хочет говорить.

— Накормите сначала людей, Горан. Потом буду говорить хоть с самим губернатором. Голодный человек не слышит проповеди — он слышит только свой живот. Отец не конкурирует с желудком. Он его кормит.

Командира силовиков звали Марка Весс, и она была не из тех, кого легко напугать толпой. Тридцать лет в планетарных силах правопорядка, шрам через подбородок, репутация офицера, который сначала говорит, потом стреляет, и потому стреляет редко. Она стояла у ворот дока перед строем своих пятидесяти бойцов и смотрела, как три тысячи докеров, вдов и калек с глубинных бригад собираются между прометиевыми кранами.

— Мать Северина. — Весс не повышала голоса; вокс-усилитель делал это за неё. — Собрание не санкционировано. Я обязана предложить вам разойтись.

— Они пришли за супом и молитвой, командир. — Северина стояла на контейнере над толпой, в простой рясе, без охраны. — Арестовать вы можете меня. Суп арестовать не получится — он уже в людях.

— Я не хочу крови на своём доке.

— Её никто не хочет. Поэтому дайте мне двадцать минут слова, и люди сами пойдут по домам — сытые и спокойные. Или прикажите своим детям в серых панцирях бить моих детей щитами, и тогда кровь будет. Выбирайте, Марка. Я знаю, вы умеете выбирать.

Весс молчала пять секунд. Потом сказала в вокс своим: «Стоим. Не провоцируем». И уже Северине, тише: «Двадцать минут, Мать. И молитесь за нас обеих».

В кабине неработающего крана, в ста пятидесяти метрах над площадью, Каэлан Вейл наблюдал за этим разговором в магно-прицел сталкер-болтера и думал о том, как легко было бы закончить войну одним выстрелом. «Хеллфайр» в магазине. Расстояние детское.

— Не стреляй у меня в голове так громко, сержант, — сказал Севериан рядом. Библиарий сидел у разбитого окна кабины, сняв шлем, и дождь стекал по его лицу цвета мрамора. — Она услышит.

— Она и так знает, что мы здесь?

— Она знает, что где-то рядом восемь очень громких сердец. Попробую пройти краем хора. Найти, где она держит нити.

— Аккуратно, брат.

— Я всегда аккуратно. Это хор неаккуратный.

Снизу Северина начала говорить — и три тысячи человек качнулись, как качается вода в трюме.

— Они опять закрыли пайковую контору, дети мои. Сказали: флот десятины важнее. Сказали: потерпите. Мы терпели восемьдесят лет. Мы хоронили своих в море, потому что на кладбище верхнего города для нас нет земли. Но Отец не делит детей на верхних и нижних. Отец поднимает всех.

Севериан в кабине вдруг выгнулся, как от удара током. Там, куда он ушёл, не было крана и дождя. Там была пустыня Баала — красная, знакомая по генетической памяти, которой он никогда не жил, — и пустыня эта была *затоплена*. Чёрная вода стояла между дюнами, и по воде к нему шёл Сангвиний. Великий Ангел был прекрасен и мёртв, крылья его намокли и волочились, а рук у него было четыре: двумя он нёс сломанное копьё, а двумя другими — нижними, лишними, растущими из-под рёбер, — тянулся к Севериану, как тянутся к утопающему.

Мы с тобой почти одно имя, ангел, — сказала Северина его губами. — *Северина. Севериан. Я тоже служила вашему Богу. Я тоже спрашивала небо, почему оно молчит. А потом я спросила глубину — и глубина ответила. Сними броню. Вода тёплая.*

— Севериан! — Вейл ударил его латной перчаткой по лежавшему рядом шлему; звон разнёсся по кабине, и библиарий дёрнулся, возвращаясь, с кровью из носа. — Стоп. Слышишь меня? Стоп.

— Она… — Севериан вытер кровь. — Она не ломает волю, сержант. Она *предлагает*. Это хуже. Сломать можно сопротивляться. А предложению нужно отвечать, и каждый ответ — уже разговор, а разговор — уже дверь.

Внизу истекли двадцать минут Марки Весс. Не потому, что она приказала: клин силовиков двинулся сам, когда из толпы в первый ряд щитов полетела бутылка, а за ней вторая, брошенная рукой, которую хор вёл точнее любого прицела. Весс кричала «Стоять!», но строй уже шёл, как идёт поезд, у которого отпустили тормоза.

Клин дошёл до контейнера. Офицер поднял руку, чтобы отдать приказ об аресте, — и девочка лет двенадцати, стоявшая у самого его щита, с лицом спокойным, как у спящей, всадила ему в горло заточенный прометиевый вентиль.

Толпа не взревела. Толпа *вдохнула* — вся, разом, тремя тысячами глоток, — и обрушилась.

Вейл видел в прицел кадрами: силовика выдернули из строя за щит и утащили под ноги; автоганы ударили в упор, и первые ряды докеров падали, не переставая тянуться вперёд и петь; человек с раздробленной очередью грудью полз по мокрой плитке к контейнеру Северины и

шевелил губами в такт гулу, пока не дополз и не замер, уткнувшись лбом в металл, довольный. Крановая цепь, подрубленная своими же, лопнула, и контейнер с рудой рухнул в толпу, подняв фонтан грязной воды и тел. Марка Весс, с рассечённой бровью, стояла посреди этого и, вместо того чтобы отдать приказ о залпе, делала единственно возможное: растаскивала своих и чужих голыми руками и орала на обе стороны фамилии, которые знала по докам с детства.

— Праксис, доклад, — сказал Вейл в вокс, наводя прицел к прометиевому коллектору у ворот.

— Вижу троих аколитов у главной задвижки. Они открывают вентили, сержант. Они хотят пожар. Мучеников.

— Ренн, Праксис — по аколитам. Тихо. Хель, Ашан — между силовиками и толпой. Если Северина умрёт сейчас мученицей, город встанет сегодня.

Выстрелы Ренна и Праксиса утонули в грохоте площади: два аколита осели у задвижки, третий успел провернуть вентиль, и струя прометия ударила ему в лицо за миг до того, как «кракен» закупорил трубу его телом. Внизу Хель и Ашан встали из дождя между остатками клина и толпой — два чёрных гиганта, — и толпа впервые за вечер дрогнула. Весс, увидев серебряные наплечники, всё поняла раньше своих солдат и сделала единственно умное: «Назад! Всем назад, забрать раненых! Это приказ!»

Северина всё это время не двинулась с места. Дождь прилип к её волосам, кровь чужих людей брызгала на подол рясы, а она смотрела вверх — в кабину мёртвого крана, в прицел Вейла, сквозь прицел — в глаза Севериана.

И улыбнулась ему. Лично ему. Как сестра.

— Уходим, — сказал Вейл. — Всеми маршрутами. Сейчас.

На рассвете Братство хоронило своих. Шестьдесят три тела выложили в доковой часовне в ряд, и Северина отпевала их без слов — одной нотой, которую подхватил весь квартал и которая поднялась над городом так, что её услышали даже в верхнем шпиле, где люди просыпались и не могли понять, отчего им хочется плакать. Марка Весс пришла на похороны без оружия и стояла в последнем ряду со своими двумя ранеными. После службы она подошла к Северине и сказала:

— В следующий раз я не смогу их удержать, Мать.

— В следующий раз удерживать будет некого, Марка, — ответила Северина и коснулась её рассечённой брови так бережно, как касаются ребёнка. — В следующий раз мы все будем по одну сторону воды.

А в техническом туннеле, в темноте, Североан излагал Вейлу то, что сержант и так уже понял:

— Она не кукла Патриарха, Каэлан. Она его *посол*. Она верит. По-настоящему, как верим мы. И потому её нельзя ни запугать, ни купить, ни переубедить. Её можно только убить — и даже тогда хор допоёт её голосом из чужих глоток.

— Тогда мы не стреляем в неё на похоронах, — сказал Вейл.

Праксис поднял голову от планшета.

— Сержант, у Ренна была позиция. Один выстрел. Толпа рассыпалась бы.

— Толпа не рассыпалась бы. Толпа понесла бы её тело по докам, и к вечеру у Братства была бы мученица, а у нас — война на две недели раньше срока. — Вейл смотрел в темноту туннеля, но видел не туннель, а другую процессию: Морвейн, носилки с флагами полка, список, который он читал четверо суток, потому что не умел тогда вовремя опустить руку. — Я уже принимал такое решение, брат. На Морвейне. Хватит.

Североан сидел у стены с закрытыми глазами. Из носа у него всё ещё шла кровь, и Ашан, не спрашивая, подал ему кусок чистой тряпицы из ремнабора.

— Она предложила мне дом, — сказал библиарий. — Не власть. Не знания. Дом, где за меня уже всё решили и где никто не зовёт меня чудовищем. Если она так разговаривает с

астропатами и шахтёрами, сержант, у нас против неё нет контрпроповеди. У нас есть только болтеры.

— Значит, будем резать не голос. Будем резать узлы, через которые голос ходит. Ферро — карта насосных и вокс-ретрансляторов Братства к утру. Ренн — маршруты Северины, без контакта. Севериан…

— Слушаю.

— Ты больше не входишь в хор один. Никогда. Если она позовёт тебя по имени в голове, докладываешь вслух, при всех, даже если мы спим. Это приказ, а не забота.

— Забота под видом приказа. Учусь различать.

Сверху, через решётки туннеля, донёсся последний подъём похоронной ноты. Шестьдесят три имени Брант потом сверил по приходским книгам. Шестьдесят одно нашлось. Два человека, которых Братство хоронило как своих, не существовали ни в одной записи города, кроме памяти тех, кто нёс их гробы. Вейл, услышав это, долго молчал. Потом приказал включить оба имени в оперативную сводку с пометкой «подтверждены свидетелями» и запретил писать «неустановленные» там, где люди плакали над конкретными гробами.

Глава шестая. Реликвия

Письмо было написано четыреста двенадцать лет назад рукой, которая привыкла держать болтер, а не перо, и потому буквы в нём стояли криво, как солдаты после боя:

«…пишу сие в крепость, ибо в орден писать не могу, а молчать более не в силах. Мир сей, Тарном именуемый, болен не телом, но кровью. Я видел в глубинах под ним то, что спит и слушает, и оно видело меня. Если не вернусь — не ищите геносемя моё. Ищите то, что я не дал ему взять. Оно лежит со мною…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.